

ПОЛИНА ВОЛКОВА

РАСТАФАРИАНСКАЯ ИСТОРИЯ

РОМАН

Полина Волкова

Растафарианская история

Текст предоставлен автором.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6027524

Аннотация

Героиня романа – русская девушка – начинает вместе со своим другом новую жизнь на Манхэттене, стремясь забыть ужасное прошлое. Пристрастие к марихуане приводит героев к встрече с черным драгдилером по имени Рэбай, принадлежащим к секте колдунов-растаманов. Не разделяя его философию жизни, они все же становятся его учениками, принимают под его руководством все более тяжелые наркотики и вступают в секту Рэбая, которую возглавляет таинственный мастер барабанов Джери.

На страницах романа – ночная жизнь Нью-Йорка, клубы и вечеринки: даунтаун, Бруклин, Гарлем... Поездки в легендарную деревню Вудсток. Этот мир населен музыкантами, старыми хиппи и наркоманами, городскими ведьмами, бездомными и сумасшедшими Манхэттена. Вместе с Рэбаем, который стремится смертельно очаровать своих учеников, герои путешествуют по этой мрачно-волшебной реальности, но приходят в конце пути к еще большему разочарованию, чем то, от которого пытались избавиться в начале.

Содержание

Глава первая: New York, NY	4
Глава вторая: барабаны, растаманы и лсд	39
Глава третья: О дьяволопоклонничестве, вольном и невольном	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Полина Волкова

Растафарианская История

*...Пришлите мне эту книгу со счастливым
концом!*

И. Бродский

*Everything they do is done for men to see:
They make their phylacteries wide
and the tassels on their garments long;
they love the place of honor at banquets
and the most important seats at the synagogues;
they love to be greeted at the marketplaces
and to have men call them "Rabbi".*

*But you are not to be called "Rabbi",
for you have only one Master and you are all brothers.
And do not call anybody on earth "father",
for you have one Father, and he is in heaven.
Nor are you to be called "teacher",
for you have one Teacher, the Christ.*

The New Testament, Gospel of Matthew, chapter 23, 5 – 10

Глава первая: New York, NY

музыка: U2, New York

*Я ждал это время, и вот это время пришло.
Те, кто молчал, перестали молчать.
Те, кому нечего ждать, садятся в седло.
Их не догнать, уже не догнать.*

В. Цой

В сентябре 2008-го, накануне мирового финансового кризиса, мы (я и мой лучший друг) переехали из России – в Америку, в Нью-Йорк. Мы не имели никаких конкретных планов на будущее, с собой у нас было тридцать тысяч долларов. Мы сняли номер в отеле рядом с Times Square и, проснувшись следующим утром в городе, который никогда не спит, первым делом отправились на поиски марихуаны.

Весь день мы гуляли по Манхэттену: сначала шли вниз по Бродвею, затем блуждали по узким, мощеным булыжником улочкам даунтауна, уже не понимая, где запад, а где восток. Я помню, был жаркий солнечный вечер, мы внезапно вышли на Astor Place – к черному кубу, памятнику бессмысленного искусства, влились в толпу туристов и студентов NYU, движущихся по 8-ой улице, которая на этом отрезке называется Saint Mark's. Здесь было очень много людей, много ресторанов с открытыми террасами, шумных, уже битком набитых баров, маленьких бутиков с худыми и бледными манекенами на витринах в изящных платьях и шляпах. Эта милая улочка длиной всего в три блока, нагретая солнцем, заросшая ветвистыми деревьями, упиралась в зеленеющий, цветущий и известный своей скандальной известностью Tompkins Square

Park. Отовсюду здесь пахло травой. Первая же наша попытка увенчалась успехом: мой друг, оставив меня одну дожидаться его на лавочке, подошел к кучке черных, которые сидели в дальнем, темном углу парка, и они после десятиминутного разговора продали ему травы на двадцатку.

Еще несколько раз мы возвращались в Ист-Виллидж, чтобы купить травы, и постепенно поняли, что это именно то место, куда мы ехали, то, которое мы искали. Нам повезло, и мы быстро сняли там квартиру – небольшую студию на третьем этаже молочно-белого дома, построенного в конце 19-го века, на углу 9-ой улицы и авеню А, с кирпичными стенами и деревянным полом, с камином, который, к сожалению, не работал, и с окнами на парк. Так началась эта история.

Уезжая из России, мы полностью сожгли все мосты, оборвали все связи с прошлым. Ничего не взяли с собой. Мой друг (музыкант) продал все свои инструменты, не взял никаких демозаписей, даже любимую коллекцию дисков он оставил без сожаления пылиться на полках своей опустевшей квартиры, а я взяла всего одно (любимое) платье, и одну книгу – Улисс Джеймса Джойса (чтение которой начинало уже казаться мне бесконечным).

В самолете я все пыталась читать ее, застряв на главе Циклоп, где-то посередине книги. Магические слова никак не складывались в волшебную картинку, как бывало раньше (в Блуждающих скалах, например), и мысли мои все время покидали Джеймса Джойса и безуспешно пытались нарисовать

Нью-Йорк. Но вообразить его было невозможно, потому что (мне казалось) – этот город, такой знакомый по фильмам, виденный тысячу раз в рекламе – в журналах и на экране, он должен быть несравнимо эффектнее, чем его изображения, его копии.

И вот, перелетев океан, поездом доехав от JFK до Манхэттена, мы вышли из жарких недр Penn Station, озираясь по сторонам, оказавшись в мидтауне у подножия исполинских небоскребов, в стеклах которых отражалось закатное солнце, и вдохнули этот незабываемый запах – пряный, кисло-сладкий, такой сильный, насыщенный, жирный, витающий плотными облаками во влажном воздухе, запах горелого арахиса, соленых прецелей и хот-догов на лотках пакистанцев, запах пакистанцев, черных и мексиканцев, арабов, евреев, индусов, и вездесущий запах чистого белья, вырывающийся из химчисток и ландроматов, резкие запахи еды, вылетающие из подземных кухонь тысяч и тысяч ресторанов; часто в этом запахе уловим оттенок сладкой гнили – когда улицы Манхэттена усеяны зловонными мусорными пакетами; все вместе эти ароматы превращаются в устойчивый, неповторимый запах Нью-Йорка, который витает вокруг человека еще некоторое время после того, как он зашел в свою квартиру, и который усиливается в жаркие ночи и просачивается даже сквозь закрытые окна.

Нью-Йорк поразителен в своих противоречиях: нигде вы не увидите столько богатства и нищеты одновременно, ря-

дом, буквально вплотную, нигде вы не найдете столько высокомерия и зависти вместе, нигде не увидите туристов, фотографирующихся на фоне мусорных баков, и моделей, позирующих, лежа на заплеванном тротуаре. Ведь это нью-йоркский асфальт, а значит он священен. Это слово – New York, ставшее за последние несколько десятков лет очень дорогим и успешным брэндом, встречается в этом городе на каждом шагу, повсюду висят баннеры, напоминающие “Это Нью-Йорк” или “Ты в Нью-Йорке”, на каждом канализационном люке стоит значок NYC, на каждом картонном стаканчике – напоминание о том, что ты, именно ты – действительно здесь.

Этот Город Желтого Дьявола, новый Вавилон, столица мира – приняла нас в свои объятия и мы поплыли по волнам случая, который и свел нас с человеком, о котором я собираюсь рассказать.

Он приехал в Нью-Йорк, как и мы, будучи молодым, но с тех пор прошло уже больше тридцати лет, так что даже те люди, которые когда-то знали его настоящее имя, теперь уже забыли его и стали называть этого человека так, как ему нравилось – Рэбай, что означает – учитель. Хотя многие произносили это слово язвительно, вкладывая в него совершенно другой смысл, и никто не произносил с уважением или симпатией, а чаще всего – с ненавистью и завистью.

В тот год, когда мы встретились, ему исполнилось пятьдесят. Он был родом с Тринидада, в тринадцать лет он стал

растаманом, и к моменту нашей встречи его дредлоки были длиной до середины спины. Рэбая однажды вечером случайно встретил мой друг в Томпкинс Сквер Парке.

Это был дождливый вечер понедельника, он долго слонялся по Виллиджу в поисках марихуаны и, проходя по одной очень темной аллее, увидел подозрительного человека и спросил его, а тот, нисколько не удивившись и не задавая никаких вопросов (в отличие от других попадавшихся нам черных дилеров), отвел его в проджекты, где достал травы, взял у моего друга двадцатку и еще пять долларов за услуги и дал свой номер телефона, сказав, что может добыть любые наркотики в любое время дня и ночи.

Скоро и я встретилась с Рэбаем. Это был уже октябрь. После череды сентябрьских дождей внезапно потеплело и стало совсем как летом. Мы договорились встретиться с ним на перекрестке 6-ой улицы и авеню А, в трех блоках от нашего дома. Когда мы вышли из подъезда, на город спускались сумерки. Небо – яркого темно-синего цвета, полная луна блесла сквозь верхушки деревьев в парке. Это была пятница, то есть Ист-Виллидж забит людьми, все бары уже наполнились и оттуда пахло разлитым пивом, люди разговаривали громко, восторженно и волнительно.

Мы медленно шли по улице, рассматривая еще не привычный, но уже любимый нэйбохуд, и вдруг среди цветастой плотной толпы я увидела человека, который стоял, прислонившись к своему мотоциклу, и выделялся даже на таком

пестром манхэттенском фоне. Описывать его нужно по-порядку: на нем были байкерские черные сапоги до колен, узкие черные кожаные штаны, поверх белой майки с короткими рукавами – темно-коричневый шипованный кожаный жилет ("LIFERS" – написано железными шипами на спине), на шее завязан красный платок, на руках браслеты, в руках – огромный косяк, сделанный из выпотрошенной сигары, на безымянном пальце правой руки – большой золотой перстень, в носу – кольцо, на голове – темно-коричневые, спускающиеся ниже плеч, толстые дреды; лицо его не выглядело старым, но черная борода (которую он, увидев меня, начал поглаживать, как какой-то персидский царь) начинала уже сидеть ближе к вискам, лоб напоминал опять о чем-то восточном, широкий африканский нос, а в его темно-карих глазах из глубины черных зрачков горели золотые огоньки.

С тех пор мы все время покупали траву у Рэбая, обычно мой друг встречался с ним на том же перекрестке, у Side Walk Cafe, где он всегда парковал свой рубиновый харлей-дэвидсон.

Но наше плотное общение с Рэбаем началось только спустя полгода после знакомства. Мы сами устроили себе неприятности. (Так, наверное, происходит всегда и со всеми: мы сами портим себе жизнь своими поступками и никто, кроме нас, не виноват в том, что случается.)

...Первые два месяца в Нью-Йорке мы жили очень комфортно: много гуляли, покупали вещи, изучали местные ба-

ры и рестораны и старались не считать деньги. Но примерно в середине октября (вскоре после знакомства с Рэбаем) нам вдруг захотелось съездить в Атлантик-Сити, расположенный в нескольких часах от Нью-Йорка. В этом странном городе-казино, сделанном как будто из картона и цветной бумаги, мы провели весь день, играя в покер, к вечеру мы были в небольшом плюсе, страшно устали и нам не хотелось ехать обратно на автобусе, и тут вдруг незнакомый человек, услышав, что мы живем на Манхэттене, предложил нас довезти на своей машине.

Его звали Джо, ему было где-то тридцать лет, у него была жена, большая американская семья, свой маленький бизнес и страсть к безлимитному техасскому холдему, он был разговорчивым и достаточно вежливым. А через несколько дней Джо позвонил нам и сказал, что из-за кризиса у него проблемы и нужны деньги, и мы решили ему помочь. Сначала мы заняли ему три тысячи, на следующий день – еще четыре, все кэшем. Он обещал отдать через две недели. Через три он сказал, что у него их нет, но он попробует отдать нам по частям.

Все наши денежные запасы к этому моменту уже закончились, к счастью, еще до истории с Джо мы оплатили квартиру на полгода вперед и успели купить все необходимое – мебель (деревянный письменный стол, стул, два больших удобных песочно-зеленых кресла, деревянный кофейный столик и кровать), посуду, постельное белье и прочее (мы даже ку-

пили шторы, вазу для цветов, дерево в кадке), немного одежды, два ноутбука и колонки.

В Нью-Йорке у нас не было никаких знакомых, а в России просить помощи нам тоже было не у кого, кроме родителей, но к ним мы стали бы обращаться только в крайнем случае. Джо оправдывался, просил прощения и все-таки стал постепенно отдавать деньги, кладя по 100-200 долларов на наш счет, но этого было слишком мало. Иногда он обещал положить в пятницу и пропадал до понедельника, и несколько раз мы оставались совсем без еды и сигарет в течении трех, четырех, а один раз – пяти дней подряд. Нам отключили телефон и интернет и грозили отключить электричество. Теперь мы очень редко покупали траву и, стараясь сэкономить, делали это не через Рэбая (его трава была хорошей, но дороже обычной, двадцатидолларовой). Мы стали ходить на поиски в проджекты и скоро нашли темный двор на девятой улице и авеню D, где кучкуются черные в холодные осенние вечера. Обычно их было человек десять, стоящих полукругом около лавочки, что очень напоминало Россию (да и сами проджекты тоже). Наша смелость их так впечатляла, что за двадцатку мы получали там вдвое больше травы, чем в любом другом месте.

Ноябрь был удивительно холодным, ветреным и дождливым. Ист-Виллидж опустел. Мировой финансовый кризис изменил Манхэттен до неузнаваемости: на улицах города теперь было не так шумно и весело, как раньше, можно бы-

ло подумать, что беспечное благоденствие ньюйоркцев навсегда закончилось, они действительно переупотребляли и переупотребляли и перегнули палку и теперь, под влиянием своей же паники, падают вниз с высоты своих стеклянных небоскребов, откуда раньше смотрели на мир с высокомерием Александра Македонского; магазины, один за другим, закрывались, а в те, что продолжали работать, новые коллекции, кажется, уже не поступали, многие рестораны перестали открываться по понедельникам и воскресеньям, а затем вообще стали работать только с четверга по субботу, самые прибыльные дни. Но цены падали. Цены падали так, как мне никогда и не снилось, роскошные вещи отдавали за десятую часть цены, но денег не было не только у нас, но, кажется, ни у кого в Нью-Йорке.

Но в конце ноября Барак Обама выиграл выборы, толпы людей всю ночь праздновали его победу на улицах города. Нью-Йорк ожил ровно на одну ночь, а потом опять заснул, как прежде, уже до весны.

В середине декабря выпал первый снег, а перед католическим Рождеством к нам пришли деньги от родителей (вместо новогодних подарков), которых хватило бы, чтобы жить несколько месяцев.

Заснеженный Ист-Виллидж выглядел загадочно, повсюду зажглись разноцветные мигающие гирлянды, на углу нашей, 9-ой, улицы и 1-ой авеню начали продавать пушистые невысокие елки, ночи стали тихими, как будто все уехали из го-

рода, туристов было по-прежнему мало. Часто мы ходили гулять по ночам, с нами стали здороваться местные бомжи и попрошайки, которые всегда получали от нас (так как мы опять разбогатели) сигарету или мелочь. Я полюбила сидеть на лавочке напротив Церкви Святого Марка и наблюдать одну и ту же умиротворяющую картину: в центре маленькой треугольной площади каменный лев на пьедестале смотрит на восток, голуби взлетают в голубое морозное небо и кружатся над золотым шпилем.

Иногда, проснувшись пораньше, мы вместе отправлялись в Центральный Парк, иногда шли в Мому или Метрополитен, а иногда в Сохо по магазинам. Нам казалось, что темные времена закончены, мы стали спокойны, мало разговаривали, читали книги, слушали музыку, смотрели фильмы Пазолини, Висконти, Феллини, Бертолуччи, старые фильмы про Нью-Йорк, молча сидели в креслах, пили домашний латте, смотрели в окно на заснеженный парк и наслаждались свободой.

И, конечно, мы опять начали звонить Рэбаю. Но иногда он пропадал на несколько дней, или на неделю, или на две, не брал трубку, а потом появлялся опять и кричал:

– Positive!!! Positive!!! I'll be in two minutes. I'm five blocks away from you!!! – и приезжал через пять часов.

Однажды он взял у нас деньги вечером, пообещал привезти траву через час и пропал; появился только через сутки, и травы у него по-прежнему не было, тогда он отправил-

ся вместе с моим другом в одну темную кальянную на 4-ой улице между 1-ой и 2-ой авеню, там он взял травы в долг у женщины неопределенного возраста по имени Лори (которая, конечно, не хотела ему ничего давать, но ей пришлось). Затем он долго сидел там, ел, пил и накуривался, вместе с хозяином – молодым египтянином, который, судя по его виду, страшно боялся Рэбая и ни в чем не мог ему отказать. Мой друг провел в Куфу вместе с Рэбаем несколько часов, а затем, под предлогом того, что я жду его дома, ушел, но Лори успела всунуть ему бумажку с ее номером телефона и предложила покупать траву через нее. И прибавила:

– But don't tell Rabbi.

Так в нашей жизни появилась Лори, прожженная наркотиками насквозь женщина, страшно худая и иссохшая, невысокого роста, сутулая, с острым носом, маленькими, уже бесцветными глазками и длинными волнистыми тонкими коричневыми волосами, с руками, сплошь покрытыми татуировками, одетая чаще всего в длинные платья или разноцветные лосины и топики, злая сплетница, несчастная, одинокая и умирающая. Она любила рассказывать всем о своих болезнях, настаивая на скорой смерти то от одного, то от другого смертельного заболевания, но на самом деле убивал ее героин, точнее, уже оксикоттен, который она жрала пачками. Жизнь ее сводилась к каждодневной работе в Куфу, где она и ночевала, так как больше идти ей было не куда. Неудивительно, что Лори ненавидела весь мир.

И она страшно ненавидела Рэбая, поэтому скоро мы узнали о нем много нового.

— Рэбай-то, похоже, на героине... — сказал мой друг, когда пришел домой после встречи с Лори.

— Не может быть! — сказала я и точно поняла, что так и есть. Теперь нам стало понятно, куда он все время пропадал.

Однажды (уже в марте) мой друг в очередной раз пошел в Куфу и неожиданно встретил там Рэбая, но тот не узнал его, а потом, когда мой друг спускался из зала вниз на кухню, Рэбай вдруг как будто страшно испугался его шагов и спрятался под лестницу, закрыв голову руками.

Лори рассказала о Рэбае много неприятного. По ее мнению, не было на свете никогда более злого, жадного, жестокого человека. Она тесно общалась с его женой, Суджен, которая покупала у нее траву для себя (в обход Рэбая). Сам Рэбай говорил моему другу, что семь лет назад женился на своей корейской массажистке, потому что она забеременела, и с тех пор живет с ней на другом берегу Хадсон Ривер, в Нью-Джерси, в тихом богатом районе, откуда открывается чудесный вид на сверкающий Манхэттен. С тех пор он вел двойную жизнь: днем сидел с детьми (трое мальчиков родились один за другим с интервалом в год), а его жена работала в крупной компании на Манхэттене (уже не массажисткой, но фотографом), ночью же он ехал в Ист-Виллидж, туда, где он прожил много лет, и там продавал, покупал и употреблял наркотики. Раньше он продавал их по-крупному, но теперь

совсем скатился на дно, стал ненадежным, и его многочисленные нью-йоркские знакомые большей частью от него отвернулись.

Но нам почему-то Рэбай был очень интересен и внушал симпатию. По крайней мере он был человеком необычным, может быть странным и даже очень странным. И, может быть, (мы это тоже чувствовали) опасным, но любопытство все-таки побороло осторожность. Поэтому вскоре после встречи с Рэбаем в Куфу, вопреки всему тому, что говорила нам Лори, мой друг позвонил ему, они встретились у нашего подъезда. Вместо того, чтобы продать траву, Рэбай настоятельно позвал его ехать вместе в Бруклин и мой друг с удовольствием согласился. Он сел к нему в машину (старый зеленый лэндровер), и они помчались по Ист-Виллиджу под музыку Боба Марли, переехали по мосту на другой берег Ист-Ривер, проехали через Вильямсбург, через еврейский район, где все прохожие в шляпах и с пейсами, припарковались около старого браунстоуна, поднялись на последний этаж, вошли в прокуренную квартиру, прошли по узкому длинному коридору и оказались в небольшой квадратной ярко освещенной комнате, наполненной растаманами. Они сидели вдоль стен, а в середине несколько играли в карты за столом. Это место называлось Club House.

Рэбай знал там всех очень хорошо, и они его тоже. На моего друга (он был единственным белым из всех) большинство смотрело враждебно, и один даже громко спросил Рэбая:

– Зачем ты привел его сюда?

Дружелюбно к моему другу отнесся всего один человек – он выглядел самым старшим среди них, его борода была белоснежной, а дреды убраны под белую шапку. Он угостил моего друга травой и смотрел на него весь вечер с одобрением. Рэбай же травил истории, смеялся над Лори и называл ее законченной наркоманкой, хвастался, задирал присутствующих и вертел моему другу один косяк за другим.

Уже начиналось утро, когда он высадил его у нашего подъезда, на перекрестке девятой и А. Я знаю, именно в ту ночь Рэбай решил вмешаться в нашу жизнь.

* * *

А тем временем в Ист-Виллидж неожиданно, потому что очень рано, пришла весна. В начале марта было уже так тепло, что люди ходили в майках, а еще через неделю даже ночи перестали быть холодными, все вокруг оживало и двигалось прямо на глазах, повсюду зацвели разноцветные тюльпаны, деревья покрылись белыми и розовыми цветами, а Томпкинс становился гуще и зеленее с каждым утром, и птицы пели все громче, а солнце вставало все раньше, повсюду появились девушки в белых платьях и шляпах с широкими полями, работники ресторанов вытащили столики outside, экономика возродилась прямо на глазах, множество нищих блуждали и попрошайничали, а по ночам трафик на улице был в три

раза больше, чем днем, из окна мы часто наблюдали драки (которые никогда так и не доходили до кровопролития), крики, музыка, сирены не затихали всю ночь, и только когда пьяные и обгащенные люди в собственной блевотине засыпали там, где падали, наступала тишина, которая тому, кто никогда не жил на Манхэттене, показалась бы жутким шумом. Я очень полюбила этот вечный шум за окном, и мне даже стало казаться: если выключить его, то я не смогу заснуть.

Теперь мы ходили гулять каждый день: в Сохо, Чайнатаун, Литл Итали, на West Side, в Вашингтон Сквер Парк, в Центральный Парк, который уже хорошо изучили, покатались на бесплатном пароходe по заливу, ранним утром сходили на Бруклинский мост. С приходом весны к нам пришли и очередные подарочные деньги, кроме того, мой друг теперь периодически играл в покер онлайн и часто выигрывал. Все наше время принадлежало нам и мы целыми днями делали, что хотели. Мы купили баскетбольный мяч и стали по утрам ходить на спортивную площадку в парк. Иногда мы накуривались, лежа на крыше, откуда открывался прекрасный вид на Томпкинс и всю округу, виднелись шпили нескольких церквей, а так же туманные силуэты небоскребов на северо-западе. Лори показала мне лучшие винтажные магазины в округе. Многие в Виллидж стали нас узнавать, и называли они нас Russians, и нам это очень льстило: как будто мы единственные русские в нэйбохуе.

Теперь, я думаю, пришло время сделать небольшое от-

ступление про Ист-Виллидж. Начать стоит с того, что Нью-Йорк, один из самых больших мегаполисов мира, на самом деле – не такой уж и большой, потому что только Манхэттен – это Нью-Йорк, точнее New York City. Кроме того, настоящий Манхэттен – это только то, что ниже Гарлема. Оставшийся кусок острова делится на три части – аптаун (все, что вокруг центрального парка), мидтаун (где больше всего небоскребов, толкучки, пробок) и даунтаун (где высока плотность клубов, баров и пр., этот район был построен и заселен раньше всех остальных районов). Даунтаун, в свою очередь, делится еще на несколько частей: financial district (где расположена главная улица главного города мира, куда толпами стекаются поклонники золотого бычка), Сохо (где все очень, очень дорого), East Side и West Side.

И если с West-Виллиджем, который плавно перетекает в находящийся рядом Сохо, все достаточно просто (там тихо и мирно живут знаменитости и просто богатые люди, окруженные картинными галереями, дорогими магазинами и шикарными ресторанами), то с восточной частью даунтауна не совсем: Ист-Сайдом называется правый нижний кусок острова, его северный рубеж – 14-ая улица, восточный – проджекты на авеню D (куда мы ходили покупать траву), западный – 3-я авеню, за которой нет уже ничего ист-сайдского, а только бродвейская толкучка. Но Ист-Виллидж, четырнадцать параллельных друг другу улиц длиной в три авеню (вообще, большая часть Манхэттена так и устроена: почти две сотни

улиц поперек острова и восемь авеню вдоль) – это только небольшая часть этой территории, исторический центр, откуда Ист-Сайд разросся на весь Ист-Сайд. Остальные две части из трех – Алфавитный городок (длиной в те же четырнадцать улиц, шириной в четыре авеню: А, В, С и D.) и южная, самая нижняя часть Ист-Сайда (Lower East Side), где улицы уже имеют названия и дома стоят не так ровно и схематично, как выше в городе. Границей между LES и верхней частью Ист-Сайда является пыльная и широкая улица Хаустон.

Все вместе эти три небольших района (имеющие между собой некоторые различия, о которых я скажу потом) представляют из себя особенный, ни на что не похожий мир, neverland, страну чудес, место, где дети не взрослеют, а собаки умеют разговаривать. Страна, где люди не ходят на работу, где целыми днями они гуляют в парке, покупают красивые вещи, едят вкусную еду, спят спокойным сном, употребляют высококачественные наркотики и все как один пытаются заниматься искусством.

Нигде в мире вы не встретите столько писателей, музыкантов, художников, режиссеров, фотографов, дизайнеров, актеров и просто восторженных блядей и пидорасов без определенного призвания, смело заявляющих вам в глаза: I am an artist!. Псевдоинтеллектуальность здесь зашкаливает. Но, конечно, это все ненастоящие жители настоящего мира.

Людей, занимающихся магией здесь так же много, как и тех, кто лезет в искусство. В Ист-Сайде огромное количе-

ство гадалок, хиропрактиков, различных колдунов, буддистов, кришнаитов, индуистов, всевозможных духовных учителей. Их бизнес процветает. Например, на нашем блоке, на отрезке 9-ой улицы между авеню А и 1-ой авеню – целых три хиропрактика и магазин магических предметов “Заклинание” (где продается всякая белиберда: магические книги, котелки, ступки, весы, куклы вуду и т.д.); весь Ист-Сайд, и прежде всего Виллидж, забит подобными магазинчиками, антикварными лавочками, претендующими на статус магических мест.

Все эти псевдоволшебники, разгуливающие по Нью-Йорку в разноцветных хитонах и причудливых головных уборах, и все эти псевдохудожники, псевдописатели, псевдомузыканты и так далее, все эти люди представляют собой большинство в Ист-Виллидже. Но мы были уверены – есть здесь настоящие люди. Мы так хотели их встретить. Они точно были здесь раньше, свободные и красивые люди, которые не зря прожили свою жизнь. И до сих пор здесь живут свидетели и участники того, что происходило в шестидесятые, в эпоху, о которой мое поколение лишь слышало красивые и грустные сказки (I wish it was the sixties, I wish we could be happy...), как о потерянном рае (который, как теперь оказывается, не был потерян; или потерян, но не для всех; или, как дерево, которое выросло из косточки волшебного яблока из райского сада, так и этот мир вырос из мечты прошлых поколений и зашумел ветвями Кришна Три в центре Томпкинс Сквер

Парка, отгоняя тоску и страх от тех, кто не хочет бояться).

Поэтому, чем дальше от парка (который расположен между Виллиджем и Алфавитным городком), тем чаще встречаются безвкусные, отвратительно-чистые, гладкие, квадратные здания, втиснутые между старыми разноцветными кирпичными увитыми плющом домами, тем больше вокруг народу, машин, пыли, оголтелых туристов. Ист-Виллидж заканчивается там, где в поле зрения появляется макдональдс или старбакс, или, еще хуже, данкин донатс. На границе между Виллиджем и остальным миром расположены ближайшие к нашему дому станции метро. Всего двадцать минут вдоль и двадцать поперек (не считая нижней части Ист-Сайда), но этого достаточно, чтобы, при желании, никогда не покидать границ этого мира, жить тихой жизнью Иммануила Канта, каждый день ходить по одним и тем же нескольким улицам и быть совершенно счастливым.

Lower East Side, который начинается после переправы через Хаустон, очень похож на Ист-Виллидж, но и многим отличается. Возможно, из-за того что Krishna Tree находится слишком далеко, или благодаря тесному соседству с Сохо — здесь все выглядит не таким натуральным, скопированным с Ист-Виллиджа, адаптированным для богатых студентов-хипстеров, которые из принципа покупают одежду в сэконд хэнде, прилюдно читают Хэмингуэя или Набокова, садятся на мостовую, а не на лавочку рядом, и считают себя неконформистами. Клубов здесь больше, чем в Виллидже.

(Кроме того, еще один недостаток LES – вонючий чайнатаун по соседству).

Алфавитный городок – это, наоборот, более спокойное место (хотя считается оно не таким спокойным из-за близости к проджекам, которые начинаются уже после авеню Ди), расположенное очень далеко от метро и широких авеню. Здесь редко встречаются машины или прохожие. Несколько старых церквей, таунхаусы с запыленными окнами и заросшими мхом фундаментами, цветы в горшках на каждом крыльце и главное – alphabet city's gardens: все разные, пышные, некоторые – с огромными плакучими ивами, некоторые – с маленькими озерами, полными золотых рыбок, с темными глубокими колодцами, с непонятными скульптурами, с деревянными лавочками в глубине кустов. Раньше на месте каждого из этих садов был дом, а потом он сгорел. Люди, которые жили рядом, стали пытаться придать пожарищам более эстетичный вид, и, к тому моменту, когда кто-то захотел застроить пустующие участки, жители Алфавитного городка начали отстаивать их всеми силами. И, как это ни удивительно, отстояли. Но, не смотря на неописуемую красоту этого цветущего и пустынного места, мы без сомнений и сразу выбрали жить в Ист-Виллидже. Мне нравился этот непрекращающийся шум, движение, жизнь за окном, за которой можно было бесконечно наблюдать. Чтобы жить в Алфавитном, нужно быть more peaceful.

Но той весной мы еще совсем не знали Нью-Йорк, и толь-

ко начинали осваиваться в Виллидж. Мы действовали наугад. И нам нужен был инсайдер. И стать им, по моему мнению, должен был Рэбай.

* * *

С приходом мая в Нью-Йорке началось по-настоящему вавилонское столпотворение. Вездесущие туристы-хипстеры все время фотографировали город, они заполонили авеню А, узкую солнечную и прямую улицу, забитую ресторанами, барами и сувенирными магазинами, по Сэйнт Маркс вообще стало невозможно передвигаться. Первая майская пятница была безоблачной и жаркой, и еще до захода солнца город превратился в одну сплошную вечеринку.

Мой друг позвонил Рэбаю днем, и когда стемнело, неожиданно раздался чудовищно громкий тройной звонок в домофон. В этот момент я уже доваривала борщ, и из-под крышки струился горячий овощной запах. Но Рэбай зашел только на секунду (с любопытством оглядывая нашу маленькую квартиру), взял двадцатку и сказал, что приедет скоро и привезет траву и останется на суп.

Мы докурили остатки травы, поели, посмотрели Завтрак у Тиффани, поели еще раз, посмотрели новости, сходили прогуляться, сели в кресла, включили музыку и, конечно, уже не надеялись, что он приедет, но вдруг, ровно в три часа ночи опять прозвучал долгий тройной звонок. Мы вскочили с

кресел и бросились открывать. Он поднимался по лестнице очень медленно, держась за перила и как-то посмеиваясь. И когда подошел ближе, я поняла, что он просто вхлам обдолбанный.

– Yeaaaahh... guys, I didn't want you to be without ganja.

Он плюхнулся в кресло, отказался от супа, отказался от кофе. Было похоже, что он сразу же заснул, но иногда руки или ноги дергались, он приоткрывал глаза и даже начинал что-то говорить, но тут же проваливался еще глубже в кресло и свой полубред. Мы не знали, что делать. Не сидеть же так до утра? Я подошлась и, сказав "Rabbi, wake up", взяла его за руку. Он тут же открыл глаза и чуть ни подпрыгнул в кресле. Он как-будто действительно проснулся и теперь разглядывал нас с большим вниманием и любопытством. Мой друг опять предложил ему кофе, но Рэбай сказал:

– No, guys... I can't drink coffee today, – и закурил сигарету.

Мы думали, что сейчас он опять отрубится. Но, как ни странно, Рэбай на глазах напитывался энергией и начал, как-то неохотно и усмехаясь, а потом уже с пылом и интересом, говорить: о том, как он был в Клуб-Хаусе и всю ночь не спал, о том что жил в Ист-Виллидже много лет, начал рассказывать историю о том, как недавно порезал ножом лицо человеку, который шел по авеню А вместе с его бывшей girlfriend, о том, как он подростком приехал в Нью-Йорк, сбежал от родственников и рано утром, совершенно один, оказался на Манхэттене, на Canal Street, и пошел вверх по Бродвею, не

имея никаких мыслей о том, куда и зачем он идет; рассказал, что в начале восьмидесятых он заработал так много денег, продавая траву на улице, что снял квартиру на пятой авеню; рассказал, как жил в Японии и не мог купить себе рубашку по размеру, потому что японские рукава слишком короткие и так далее... Казалось, его не очень интересовало, слушаем мы его или нет, он с упоением слушал самого себя и глаза его горели. Какой странный, неизвестный мне наркотик, подумала я. Даже не знаю, что может вызвать такое состояние.

Он говорил и говорил, и мы его не перебивали. Теперь он рассказывал про свой байк, наконец, он встал и подошел к окну, за которым медленно розовело небо.

– I didn't see the sunrise for a long time, – сказал он.

Мы попрощались и он пообещал приехать в воскресенье часов в семь на суп или на что-то еще.

– На блины, – сказала я.

И он уехал. Когда закрылась дверь, я подошла к окну и подумала вслух: скоро лето, и ему надо заканчивать с наркотиками до того, как оно начнется, иначе он это лето не переживет.

В воскресенье (то есть послезавтра) на улице было немного холодно, дул неприятный ветер и небо затянуло сплошной бело-серой тучей, мы проснулись очень поздно и в плохом настроении, никуда не хотелось идти и ничего не хотелось делать. День незаметно закончился, мы совсем не ждали Рэбая, было очевидно, что сегодня он вряд ли появится. Мой

друг пошел в супермаркет за едой и сказал, что, может быть, зайдет по дороге к Лори в Куфу и возьмет немножко травы. Дело в том, что мы стали scuривать траву все быстрее и быстрее, и если осенью двадцатки нам хватало почти на неделю, зимой – дня на четыре, то теперь – не больше чем на два дня.

Я решила пойти полежать в ванне, взяла с собой Джойса и сигареты, но вдруг в этот момент кто-то три раза, очень настойчиво позвонил в дверь. Я в ужасе побежала открывать, на ходу придумывая как бы вывернуться и умолчать о том, что мой друг пошел к Лори за травой. Еще даже не было семи.

Он сразу увидел, что я одна, но ничего не спросил, и я сказала:

– He went out, he'll be in a few minutes, and I was just going to make that russian pancakes.

Мне было очень неудобно из-за того, что сама же обещала и ничего не сделала. Но по нему не видно было, чтобы он расстроился или удивился. Он сел в кресло у окна и стал смотреть на парк. Он был в той же одежде, что и прошлый раз (что, скорее всего, означало, что он провел в ней все выходные) – в синих джинсах и такой же джинсовой куртке, дреды спрятаны под светло-фиолетовой шапкой.

– Дерево надо полить, – сказал он и кивнул на Живое дерево на подоконнике в кадке.

Я налила воды в стакан и протянула ему. Он полил растение и опять сел в кресло, положив ногу на ногу, и стал на-

блюдовать за мной. Я очень быстро стала замешивать тесто на блины. Он расспрашивал, что это такое, и я на свое корявом, неестественном и неразговорном английском пыталась рассказать ему (мучительно избавляясь от комочков в этот момент) про масленицу, сжигание чучела, победу над зимой и про блин как символ солнца. Я была уверена, что он ничего не понял, но он кивал и выглядел очень довольным, а в самый ответственный момент вскочил и подбежал ко мне, почти засунув нос в мою кастрюлю. Первый блин, естественно, не получился. Я попыталась объяснить ему, что первый блин всегда комом, но он (совершенно точно) меня не понял и посоветовал сделать жар поменьше. Он очень мне мешал. Но в этот момент, наконец-то, мой друг вернулся домой.

Я углубилась в приготовление блинов, не сильно вслушиваясь в то, о чем они разговаривают. Они говорили про музыку, про рок-н-ролл. Рэбай называл своих любимых исполнителей: конечно Rolling Stones, Джимми Хендрикс, Talking Heads, U2, Nirvana...

– Когда Курт Кобейн покончил с собой, – сказал Рэбай, – я целый месяц слушал в машине только его альбом. На всю громкость! Людишки просто бросались врассыпную, так страшно это было для них!

Но Рэбай так и застыл где-то в начале девяностых, никакой музыки, созданной потом, он уже не знал. Мой друг спросил его о Radiohead, но тот никогда о них не слышал. Он не знал, кто такая Бьорк, не подозревал о существовании

Portishead.

Я поставила на стол сметану, растопленное сливочное масло и уже готовые блины и вернулась к плите.

Рэбай в замешательстве смотрел на блины и не знал как их есть, но когда мой друг ему объяснил, начал уничтожать их достаточно быстро. К тому моменту, когда я сняла последний блин, Рэбай уже наелся и выглядел очень довольным, а мой друг уже забивал банку.

Траву мы по-прежнему курили как в России – через буль-булятор, изготовленный из пластиковой бутылки. Оказалось, что Рэбай никогда не видел ничего подобного, и добавил – что это хуйня, и что когда мы начнем курить траву через нормальное устройство, то больше никогда не вернемся к пластиковой бутылке. И пообещал подарить нам свою трубку, через которую он курил двадцать лет. Я подумала – может я ослышалась? Свою трубку? И он ее нам отдаст? Мой друг передал мне бутылку, и я, приняв свою порцию, протянула ее Рэбаю. Но он вдруг сверкнул на меня глазами и мотнул головой, что означало "передай ему". Возможно, подумала я, он не хочет курить из-за бутылки. Но из любопытства, которое появилось у меня по отношению к Рэбаю еще в первую минуту знакомства, я спросила:

– Why don't you smoke?

И он неожиданно ответил, что сделал перерыв с наркотиками на какое-то время, может на месяц.

– To refresh my feelings, – сказал он, – Когда ты принима-

ешь наркотики так много лет, как я, иногда нужно делать перерыв.

Мы тут же закивали и задули очередную порцию. Видно было, что мой вопрос ему неприятен, но он пытался сделать вид, что это не так.

– Мы две недели не курили траву перед тем как пойти в американское посольство, чтобы получать визы, – сказал мой друг. – Это было так глупо!..

– Вас что – там на наркотики проверяли?!

– Нет, – он засмеялся, – мы просто были долбоебами и думали, что это нам может повредить, что мы будем off balanced. Сейчас понятно, что это была ошибка. Просто у нас до хуя документов, которые мы отдавали в посольство, были фальшивыми: справки с места работы, ненастоящие номера телефонов этой работы...

– Мы придумали целую историю – что мы жених и невеста и едем в Нью-Йорк в отпуск на пару недель. Мы даже взяли напрокат у моей знакомой обручальное кольцо. И я учила наизусть имя своего воображаемого начальника, адрес своей воображаемой работы...

– К тому моменту мы уже продали все, что могли продать, раздали оставшееся и уже купили билеты в Америку. А виз у нас еще не было.

– И мы уже были в Москве. Жили у знакомых.

– Так что трава нам тогда очень помогла бы! – засмеялся мой друг.

– И первое, что мы попытались сделать в Нью-Йорке – найти травы, – сказала я.

– How long do you live in New York? – спросил Rabbi.

– Всего восемь месяцев, – ответила я.

И тут наш разговор зашел в сторону причины, по которой мы уехали из России и приехали сюда. Я, по крайней мере, не могла дать Рэбаю четкий ответ. В моем случае – это было просто стремление не оставаться на месте, уехать как можно дальше, мне было все равно, куда двигаться – на запад или на восток. Мне говорили, что невозможно убежать от своего прошлого. Это утверждение спорное, но в моем случае оно вообще ни при чем. Я убегаю не от прошлого. Я скорее пытаюсь догнать свое будущее, чьи следы все время нахожу на своем пути. Я не пытаюсь убежать от себя, а пытаюсь догнать ту, которая оставляет эти следы. Кроме того, меня всегда привлекали большие города.

Мой друг не гонялся за самим собой. Он, совсем наоборот, многие годы, а возможно и тысячелетия, просидел на одном и том же месте, имея возможность делать все что угодно, имея полную свободу. Причины, из-за которых он отказался от жизни, были скорее философскими, чем практическими. Ему недоставало одного фрагмента, чтобы собрать свой пазл, на котором изображена вселенная, в которой ему предстояло жить. Он, как Кай в ледяном дворце, выкладывал из льдинок слово вечность, все лучше осознавая, что ни свободы, ни новых коньков ему не видать. Но однажды он все-таки

понял свою ошибку, бросил все и уехал за тридевять земель, и я поехала вместе с ним, потому что была готова ехать куда угодно в любой момент и потому что в первый же день знакомства мы стали друзьями.

И так – у меня не было направления, зато мой друг точно знал, куда ему нужно ехать – в Нью-Йорк.

– Because of the music, – ответил он просто на вопрос Рэбая.

– Because I didn't care where to go and New York was ok, – сказала я.

Рэбай смотрел на нас молча и как-то тревожно. Похоже, наша смешная история произвела на него впечатление.

– You know, guys, – сказал он после паузы, – Я очень ценю людей, которые способны на такое – все бросить и уехать.

– But I think everybody has to do it, – весело сказал мой друг, – рано или поздно!..

Мы говорили и говорили, перескакивая с одной темы на другую. Рэбаю очень нравилось наше внимание. Он рассказывал свои истории: про то, как он объездил весь мир, как он жил в Европе, как приобщал там к растафарианству одного поп-певца (так и не помню его имени)... О том как был в Берлине в тот момент, когда рушилась Стена, и даже привез с собой в Америку от нее кусок и хранит у себя в спальне... О том, как сделал визитки, на которых было написано: Ras Rabbi, Cultural Exchange и номер телефона, и разбрасывал их по Манхэттену; как он видел, как рушились торговые

центры одиннадцатого сентября и как весь даунтаун начиная с 14-ой улицы был оцеплен и туда пускали только по документам, как он видел как по Wall Street ходили охуевшие люди, покрытые пеплом, и не понимали, что делать и куда идти, как все было засыпано пеплом, и как его жена сделала лучшую фотографию падающих близнецов, которая выиграла конкурс лучших фотографий 11-го сентября; о том, как он продавал траву в восьмидесятых, как у него было несколько магазинов в ист-виллидже, где вместе с банкой колы можно было купить травы, и что crift-dogs на St. Marks, где мы иногда покупали хот-доги – это как раз одно из тех мест, но сейчас об этом здесь уже никто не помнит; о том как ему пришлось бросить свой сверхдоходный ганжа-бизнес и уехать в Японию, потому что в Нью-Йорке началась война между теми, кто продавал наркотики, и Рэбай по-умному свалил из Америки, а те его друзья, которые остались, получили по пуле.

– And you know what? – продолжал он, – Вы плохо представляете, как вам повезло, что вы встретили меня. Раньше вся трава в Ист-Виллидже – была моя! И до сих пор, хоть я уже отошел от дел, потому что, я вам рассказывал, мне пришлось уехать отсюда... но до сих пор – I am the only rasta here. Watch me, watch my face, – его глаза блестели золотыми огоньками из глубины больших черных зрачков, – I am the only rastaman here! Did you see any dreadlock here, ah?

Вообще-то в Нью-Йорке (и особенно в Ист-Виллидже) мы

видели дохуя растаманов, но, конечно, они были совсем не похожи на Рэбая. Рядом с ним они выглядели бы фальшиво.

– We saw... but...

– Нееет. Настоящих растоманов! Все эти, – он наклонился в нашу сторону и прищурился, – которые ходят с развевающимися дредами – у них нет ничего общего с раста. Были времена, когда иметь дредлоки – было преступление, за которое сажали в тюрьму. Это то, за что мы боролись! А они используют это, чтобы цеплять телок! Да мне проще ходить по улице с высунутым членом, чем с распущенными дредами.

Когда он говорил, он двумя руками натягивал шапку на лоб, подтыкая торчащие из под нее со всех сторон маленькие дредлочинки.

– Have you ever saw me without a hat?

Вообще-то, когда я впервые увидела Рэбая (если вы помните) – его дреды спокойно болтались у него за спиной.

– Ээээ...actually... yes... – сказала я.

– What?! I never go without a hat!!! I was thirteen when I started growing dreadlocks! My dreadlocks would be this long now!.. – и он ткнул себя в лодыжку.

– Would be? What do you mean?

– Вот такой длины! Прямо до пола!!! ... Accident, I was on my bike... doctors had to cut them, – он начал шупать то место на голове (чуть выше виска), где, видимо, у него до сих пор был шрам, – Вы не можете себе представить, как это было

ужасно. Половина жизни – просто отрезана...

Эти слова он уже говорил с неподдельной искренней грустью, и поднимая глаза куда-то к потолку. (И мне была понятна эта одержимость своими дредами: так же, как и старые добрые славяне-язычники (и не только), растаманы считают, что в их волосах заложена их же собственная жизненная сила).

– А сколько тебе было лет, когда это случилось?

– About... thirty something... Знаете, что это значит? Что мои дреды были бы сейчас вот такой длины! I am the only rasta in the Village. Те, которых вы здесь видите – они здесь, потому что – я! – им это разрешаю. И они все – мне! – платят... часть денег с той ганжи, которую они продают – они отдают мне! Потому что я обеспечиваю спокойную жизнь в Ист-Виллидже! Listen to me, guys! I'm fifty years old, I'm older than you guys both! I know something about life! But you are lucky to meet me. Nobody knows New York like I know New York.

И он ударился в долгие воспоминания, в которых Нью-Йорк был совсем не таким, он был лучше, интереснее, реальнее, моложе. Younger, like Rabbi was younger back in the eighties. Уже стемнело, сумерки сгущались в комнате пока мы говорили. Он уже просидел у нас несколько часов. Он стал смотреть в окно на парк, наполненный светом оранжевых фонарей, на авеню А.

– Вся моя жизнь прошла вокруг этого парка...

Вдруг кто-то позвонил ему и сказал, что ждет его уже давно, но он не приходит. На что Рэбай ответил:

– Man, I'm coming, I'm coming, I'm two blocks away from you.

После этого он просидел у нас еще около часа и только тогда неохотно поднялся с кресла. Уже прощаясь, он настойчиво пригласил нас в следующее воскресенье пойти с ним в клуб, где будут играть его знакомые музыканты.

– You'll see a better side of me, – сказал он.

* * *

Тогда, еще в самом начале этой истории, каждый раз, когда я смотрела на Рэбая, у меня возникало странное чувство – как будто все это уже было, и много-много раз, как будто я знаю, какой сейчас последует вопрос и какой на него нужно дать ответ, как будто я ничего не могу изменить, но в тысячный раз мне предоставляется возможность это сделать. И это ощущение было верным. Как в русской сказке, где герой видит сон, а проснувшись, отказывается рассказывать его другим, за что его привязывают к столбу в поле, мимо едет царевич, но герой и ему не рассказывает своего сна, за что царевич сажает его в темницу... В конце сказки, когда непредсказуемым образом обстоятельства складываются так, что герой из всех неприятностей выходит невредимым, раскаявшийся царевич спрашивает, что же тогда ему при-

снилось, а герой отвечает: все это и приснилось. Но что если все должно закончиться трагедией, и это тоже предопределено и известно? И вообще, может ли хоть одна по-настоящему интересная история иметь счастливый конец?

Но разве можно быть вообще хоть в чем-нибудь уверенным? Тогда, в самом начале, одно мне казалось верным – этот странный, несчастный человек – именно тот, кого мы должны были здесь встретить.

Глава вторая: барабаны, растаманы и лед музыка: Babatunde Olatunji, Ife L'Oju L'Aiye

*They said be careful where you aim
'Cause where you aim you just might hit.*

Bono

Впервые я заметила серебряный браслет на руке Рэбая, когда он (через несколько дней) ненадолго заехал к нам перед тем как (видимо) ехать в Клуб-Хаус.

Мы уже поняли, что он ездит туда каждую пятницу где-то к полуночи и возвращается только под утро, и что трава, которую он привозит нам оттуда, на уровень выше той, которую он обычно достает в Виллидже. Он заехал, чтобы взять деньги и обещал привезти марихуану через пару часов. Он сел в кресло напротив меня и взял сигарету из пачки, которая лежала на столе. Видно было, что он только что из дома, во всем чистом и свежем, готовый к тому, чтобы не появляться там до понедельника. Я смотрела на него и думала: как он наверное любит себя, как он наряжается перед зеркалом и надевает на себя все эти бусы, браслеты... Огромный

толстый серебряный браслет на его правой руке очень привлекал мое внимание.

Мне казалось, что он что-то означает и (забегая вперед) так и оказалось: я много раз видела его потом у других растаманов. Но не у всех. Скорее, только некоторые раста носят такие браслеты. Кроме того, впоследствии я ни разу не видела, чтобы Рэбай снимал свой браслет хотя бы на секунду. Но на все мои вопросы про это он и другие растаманы (о которых я уже скоро расскажу) отвечать не хотели. Например, однажды я спросила Рэбая, когда он получил свой серебряный браслет. На что он ответил, что родился вместе с ним. А когда я, задолго до этого, спрашивала его, откуда у него этот браслет, Рэбай говорил, что привез его из Индии, делая вид, что это просто прикольный браслет, который ничего не означает.

Остановлюсь пока на этом, чтобы раньше времени не раскрывать секреты Растафарианства (которые я планирую вам раскрыть). Я как раз подхожу к моменту встречи с еще одним героем этой истории, у которого был не только серебряный браслет, но еще и золотой (который, кстати, он носил очень редко).

Вообще, история, которую я хочу рассказать, начинается только теперь. Хотя ей тяжело дать начало: то ли все началось с того дня, когда он приехал к нам на блины, то ли с того момента, когда мы впервые попробовали лсд... Я пытаюсь рассказать все по порядку, не упустив ничего важного.

В ту пятницу Рэбай привез нам обещанную трубку (стеклянную, зеленовато-голубую, большую по размеру, чем те, что продаются с лотков на нью-йоркских улицах, и с этого дня мы уже никогда не курили и не будем курить траву через пластиковую бутылку), он взял деньги и уехал в Бруклин, просидев у нас всего пятнадцать минут. Тогда было положено начало некоторым будущим событиям: мы (так как наш Джо опять наебал нас и не положил на наш счет в эту пятницу денег, как обещал, и это означало, что мы не получим их как минимум до понедельника) рассказали Рэбаю про то, как уже много месяцев назад заняли ему семь тысяч долларов и Джо до сих пор почти ничего нам не вернул и только обещает.

– Such people take kindness for weakness, – сказал Рэбай.

Мы не просили его нам помочь, он предложил помощь сам, но в тот раз мы отказались.

– Если передумаете – просто скажите, – сказал он и уехал в Бруклин.

Траву он привез только следующим вечером. А еще через день, в воскресенье, мы отправились в клуб под названием Sin-Sin. В одиннадцать мы стояли на углу пятой улицы и второй авеню и ждали Рэбая, но он не появлялся. Вокруг был большой движняк, к клубу подходило все больше и больше народа. То и дело откуда-нибудь из кустов появлялись обдолбанные люди и, смотря на мир невидящими глазами, наталкиваясь на прохожих, шатающейся, но стремитель-

ной походкой удалялись в темноту. Пока мы ждали Рэбая, к нам подошел толстый черный человек с рюкзаком и пытался продать кокаина. Ближе к полуночи мой друг вдруг указал куда-то рукой и сказал: вон он, вон он в шляпе. Рэбай парковал машину в нескольких метрах от клуба.

– Он не один, он со всеми этими из Клуб-Хауса! – сказал мой друг. Они доставали барабаны из багажников и приближались к нам. Один из них, проходя мимо, поздоровался с моим другом. Я не увидела его лица.

Рэбай шел за ними по улице и кричал нам издалека свое любимое и бесконечное "Positive!", и мы, уже начиная привыкать к этому, отвечали ему так же. На нем была черная шляпа (под которой спрятаны дреды), черный костюм с белой рубашкой и коротким черным галстуком и черно-белые туфли с закругленными белыми носами (в стиле Остапа Бендера). Вместе с ним мы прошли в клуб бесплатно ("Rabbi" – сказал он страшным голосом человеку на входе, и тот с неудовольствием посторонился) и по темной узкой лестнице поднялись на второй этаж.

Син-Син изнутри ничем не отличался от любого обычного московского клуба, только здесь было холодно, а не жарко, и люди в основном черные, и у многих длинные или короткие дредлики, почти у всех – распущенные. Здесь было много белых девушек, в основном очень пьяных, красные лампы освещали тесный прямоугольный зал, из колонок звучал регги. Рэбай отправился исследовать толпу, а мы сели у ба-

ра. Денег у нас не было, и немного оставшейся травы мы не стали брать с собой в клуб, чтобы покурить, когда вернемся домой. Мы ждали непонятно чего. Было скучно. Прошло долгих полчаса и вдруг зазвучала *Could you be loved*, и все изменилось, многие люди повскакивали со своих мест и стали танцевать, а когда Боб Марли допел свою лучшую песню, в клубе воцарилась тишина, а затем заиграла другая, живая музыка. Музыка, которую я никогда раньше не слышала и не воображала. Из толпы звучали барабаны.

Как пелевинскую лису меня потянуло на эти звуки, и я начала пробираться через толпу к музыкантам. Они сидели кругом, не меньше десяти барабанщиков, рядом басист и трубач. Но из них всех я слышала только одного человека: его барабан не просто направлял всех остальных, он был самым ритмом, самой музыкой, потоком, который несет лодки... А на его лице, которое я наконец-то разглядела, было выражение абсолютного счастья.

Так я познакомилась с Джери. После выступления один седой длинноволосый старик с маленькой (чуть больше еврейской кипы) трехцветной растаманской шапочкой на голове, с которым я разговаривала (выражая свой восторг от музыки), вдруг схватил меня за руку и потащил куда-то.

– Это мой брат Джери, – сказал он, подводя меня к человеку, который только что вышел из випа обратно в зал. На нем был ослепительно-голубой пиджак поверх желтой майки и белая огромная растаманская шапка на голове, из-за ко-

торой он казался гораздо выше, чем есть на самом деле. Белая аккуратная борода обрамляло его лицо, темно-коричневое, и большие глаза, которые показались мне фиолетовыми, смотрели на меня очень внимательно.

Мы пожали руки и я сказала что-то искренне о том, что никогда раньше не слышала *this kind of music* и что *I never dance, but this time I couldn't stop myself*. Я не хотела навязываться и вернулась к своему другу (который сидел на диванчике недалеко), но Джери, к моему удивлению, пошел за мной и сел рядом, нелепый старичок с длинными седыми волосами – тоже. В этот момент мы с моим другом больше всего на свете хотели травы, которой у нас не было, и вдруг, не говоря ни слова, Джери вытащил из кармана приличный кусочек марихуаны и положил в ладонь моему другу, встал, откуда-то из ниоткуда достал железячку и начал постукивать по ней другой железкой в такт музыке, нарезая круги по залу.

– Ну как тебе? – спросил мой друг, – пиздато они играют? А ты обратила внимание на басиста?

– Нет, я смотрела только на Джери.

– Зря. Другие тоже охуенные, но Джери конечно... это не обсуждается... без него они бы все потерялись...

– Без него это была бы совсем другая музыка... А ведь это он с тобой поздоровался?

– Да.

Наш разговор, который никто вокруг не мог понять, прервал все тот же растаманский старичок, спросивший меня,

как по-русски будет "любовь", а потом (после того как не смог выговорить) вскочил и вытащил ошеломленную девушку (белую) из толпы, и посадив ее рядом со мной, начал заяснять, что мы все одной крови, что быть раста – это не обязательно значит быть черным, что он черный, а я белая, но разве это имеет значение? И тут он неожиданно снял свою шапочку и надел мне на голову.

Из толпы появился Рэбай, наступая всем на ноги и расплескивая красное вино из бокала, он шел к нам. Со стороны он выглядел очень пьяным или обгашенным.

– Нет, он не такой уж обдолбанный, каким притворяется, – заметил мой друг.

Рэбай, похоже, был удивлен, найдя нас в компании своих знакомых.

– Прямо для тебя, – сказал он, увидев на мне растаманскую шапочку.

– You look like a real hippy, – добавил мой друг. Он в этот момент разминал траву в ладони.

– I'll make you a joint, – сказал Рэбай. Через минуту он протянул ему абсолютно совершенный, идеальный, мастерский косяк.

Как только мы его закурили, вдруг какой-то черный говнорэппер взял микрофон и начал говорить вступительную речь перед песней, которую он хотел исполнить: что-то про женщин, про матерей и т.д, в духе восьмого марта. Рэбай, которому, видно, стало скучновато, направился к нему и, встав

в первом ряду зрителей, начал громко кричать:

– Pussy! Pussy!

Выступление никому не интересного чувака было сорвано, и похоже все шло к драке. Музыка была выключена. Толпа заволновалась. К Рэбаю уже направлялся огромный охранник.

Позже мой друг рассказал мне, что заметил, как Рэбай схватил пустую бутылку и спрятал ее под пиджак. Но он ее так и не использовал. На следующий день, приехав к нам в гости, он, смеясь, рассказал, что огромному охраннику он на ухо пообещал, что убьет его и всех членов его семьи, если тот до него дотронется. На этом инцидент был исчерпан. Опять заиграла музыка. Американская драка – это та, которая не состоялась.

Рэбай, естественно, после этого начал вести себя еще развязнее. Он танцевал посреди зала, наталкиваясь на людей (и особенно на женщин), притворяясь (как мы уже заметили) обдолбанным в хлам.

– Smoke your weed, naman! – кричал он моему другу. – This is – my place!

Стало понятно, что Рэбай и его компания пробудут здесь до рассвета, и мы решили пойти домой. Мы попрощались и вышли из клуба. На улице воздух был очень теплым и очень влажным. То и дело по пути домой нам встречались шатающиеся и уже свалившиеся там, где силы их оставили, люди. Многие из них были хорошо и дорого одеты. Мы пришли

домой, сели в кресла и еще долго обсуждали Джери и его барабаны, пока солнце не взошло над парком, обещая жаркий день.

* * *

В следующую пятницу мы должны были ехать с Рэбаем в Клаб-Хаус. Я испекла пирог с капустой и в десять часов вечера мы были уже одеты и готовы ехать. Но он не появился. После полуночи мы поняли, что он уже не приедет и съели пирог самостоятельно. На следующий день он тоже не позвонил и не появился. Но утром в воскресенье нас разбудил телефон. Сквозь сон мой друг только и успел понять, что Рэбай хочет, чтобы мы как можно скорее ехали в Нью-Джерси, и он нас там встретит.

Мы не выспались, были очень недовольны и в плохом настроении, быстро дунули из нашей новой трубки, как в тумане дошли до паф-трэйна, сели в поезд, вышли на нужной станции и сразу увидели зеленый лэндровер Рэбая, выезжающий из-за поворота. На переднем сидении рядом с ним сидел черный чувак лет двадцати пяти, одетый как одевается большинство черных чуваков – в кепке, огромных широченных штанах, съезжающих очень низко, бесформенной кофте с капюшоном и т.д. Его звали Zeeno, он много и громко говорил, часто повторяя "oh, man!", и, кроме того, looked not just like a regular black guy, but like a black guy with a gun.

Музыка в машине играла на полную громкость, Рэбай веселился и кричал что-то людям на улице, высовываясь из окна. Мы проехали несколько кварталов и остановились около трехэтажного дома, покрашенного светлой краской. На крыльце лежала кошка. Мы думали, что мы едем домой к Рэбаю, но оказалось – мы приехали в гости к Джери.

Мы зашли в дом и тут же нас чуть не сбили с ног дети. Стая детей, черных и кудрявых, бегали друг за другом, сметая все вокруг. Сначала мне показалось, что их не меньше десяти, но когда они устали бегать и попадали на ковер, выяснилось, что их всего четверо. Кто-то лежал на диване в гостиной перед телевизором, показывающим мультики, и, видимо, спал.

В этом доме повсюду стояли барабаны. Без них он почти ничем не отличался бы от дома обычной американской семьи среднего класса, но бесчисленные деревянные барабаны разных форм и размеров с вырезанными на них лицами говорили любому гостю, что в этом доме живет их создатель.

Вслед за Рэбаем и Зиной мы прошли по коридору на кухню. Там играла музыка, пахло травой и наблюдалось слабое веселье, люди были незнакомые (почти все – растаманы).

Весь день мы провели скучая, но накуриваясь до упада. Джери принимал нас как почетных гостей, но почти все время молчал, с большим смыслом на нас поглядывал. Он даже сводил нас в свой *underworld* – огромный подвал с бетонными стенами, обклеенными старыми афишами и вырезками

из газет. Здесь он, похоже, проводил большую часть времени – в одиночестве, вернее, в компании своих барабанов с человеческими лицами. Его жена, которую мы разглядели на фотографиях в гостиной и в коридоре, вряд ли часто заходила сюда. Никем другим кроме Джери здесь не пахло. А женщина, спавшая перед телевизором, оказалась женой Рэбая. После того как мы пришли, она переместилась наверх, так что увидели мы ее только вечером, когда вместе с Рэбаем и его семейством уезжали от Джери. Ее звали Суджен (американка корейского происхождения). А жену Джери – Виктория (белая американка). Она пришла домой вечером. Им обоим было уже за тридцать, и выглядели они достаточно потасканно, намного хуже, чем я ожидала. Мне они не сказали ни слова и избегали смотреть мне в глаза.

Рэбай очень гордился тем, что именно он познакомил Джери с Викторией, лучшей подругой Суджен. Это было десять лет назад. Пять лет назад у них родился сын и они поселились в этом доме на тихой улице в Нью-Джерси, недалеко от Рэбая.

Суджен вышла за него замуж после рождения первого мальчика (которому сейчас было уже семь), а затем родила еще двоих. К тому моменту Рэбай давно уже был на героине, и дети (так по крайней мере считали и Джери, и Суджен) должны были ему помочь вернуться к нормальной жизни. Но он не возвращался.

Суджен по будням ездила на работу, а Рэбай ждал выход-

ных, сидя дома. Он вкидывался прямо там, и однажды соседи увидели из окна, что дети играют прямо на дороге. Они вызвали полицию, а когда те приехали, нашли внутри дома с настежь распахнутой дверью вхлам обдолбанного Рэбая. Его начали лишать родительских прав, и для начала дали ему испытательный срок – три месяца без наркотиков. Ему предписали три раза в неделю ездить сдавать анализы и два раза в неделю ходить в группу анонимных наркоманов. Большую часть этого мы узнали от Лори. Рэбай еще ни разу не говорил с нами про героин, и не рассказывал о том, что у него отбирают детей (а если быть точнее, ему грозили запретить жить с ними в одном доме, но об этом мы узнали намного позже).

Тот день, когда он приехал к нам на блины, был первым днем без героина (и вообще без всего, даже траву ему запретили курить). Всю неделю после этого мы его не видели, должно быть, он пролежал все это время дома. Потом в Син-Сине он притворялся обгашенным, но на самом деле был просто пьян (пил он в ту ночь очень много, я помню). Сегодня он мог бы праздновать две недели без героина, и видимо праздновал, и именно этому был так рад. Но так как нам он об этом, как я уже говорила, пока еще ничего не рассказывал, то мы делали вид, что ничего не знаем.

Когда стемнело, мы вместе с Рэбаем и его семейством (включая Зиноп, который был одновременно нянькой, прислугой и охранником) поехали к нему домой. Это была квартира в кондоминиуме, на первом этаже. Темная, холодная и

мрачная, как мне показалось. В гостиной было почти негде сидеть – несколько неудобных низких и твердых деревянных стульев стояли вдоль двух противоположных стен; большое окно полностью завешано растениями, свет сквозь него не проникал, видимо, даже днем; на стенах висели всякие африканские штуки – маски, побрякушки и т.д.; в углу стояла огромная ступка, повсюду лежали большие серые камни. (Я помню, однажды Рэбай рассказал, что притащил все эти камни с Тринидада; у него была какая-то странная любовь к перетаскиванию тяжелых камней, к бессмысленным страданиям вообще, которыми он хвастался и гордился.). В коридоре висели фотографии детей, а в шкафу я увидела фотографию Рэбая, которая мне очень запомнилась – он был там еще молодым, лет тридцати, очень худой, в ярко-малиновом костюме, на ногах у него такие же туфли, как те черно-белые, которые я уже видела, но только красно-белые (это были Воглз, очень важный для Рэбая бренд), а на голове – красный тюрбан. Он смотрел в объектив вызывающе и зло, полусмеясь.

Дети легли спать, Зино ушел в какую-то комнату смотреть телевизор, а мы, найдя в окне, завешанном зелеными растениями, дверь на балкон, вышли туда и закурили трубку. Недвижимость в этом районе Нью-Джерси стоит больше обычного из-за river view – впечатляющего вида на Манхэттен через реку Хадсон, но из окон и с балкона Рэбая не был виден этот сказочный остров, только пустые улочки между

одинаковыми домами, окруженные аккуратными цветочными клумбами (то, чем славится этот garden state). Тишина на улице была зловещая. На балконе стояли два деревянных жестких стула (один из них в углу), между ними деревянный столик, на нем – большая овальная каменная пепельница.

Мы опять ждали непонятно чего, очень хотелось попасть домой, на уже знакомый, теплый и шумный Манхэттен, но Рэбай все тянул с отъездом. Он немного посидел с нами на балконе (с задумчивым видом), а потом ушел обратно в дом. Мы прождали уже больше часа. В полночь мы вернулись в гостиную и сели на жесткие стулья напротив друг друга. Рэбай вышел из своей спальни одетый во все черное и с артериально-красным платком на шее, с ничем не закрытыми дредами и имел какой-то торжественный (и смешной в то же время) вид.

– Подождем еще немного – to show some respect, – сказал он, кивнув в сторону спальни, где, видимо, находилась сейчас его жена, которая, похоже, была недовольна его постоянными поездками в Сити. Мы все опять вышли на балкон. Он сел на стул, и я сразу увидела, что так он и сидит здесь, в этом углу, большую часть времени – как тень, сгорбившись, и смотрит в темноту.

Наконец-то он встал и крадучись пошел в прихожую, и мы вслед за ним, он надел черную шляпу и мы сели в его зеленый лэндровер и помчались по шоссе вдоль широкой реки Хадсон. Слева от нас иллюзорный остров Манхэттен све-

тился и переливался всеми своими красками, горел зовущими огнями, почти дотягиваясь вершинами небоскребов до луны, которая, сверкая тем же мистическим огнем, висела прямо посреди черного неба. По дороге Рэбаю кто-то позвонил, и, как мне показалось, что-то хотел у него купить. Рэбай уклончиво пообещал достать, затем вдруг развернулся и поехал в обратном направлении. Потом по какому-то мосту мы въехали на Манхэттен, за окном был темный и мрачный город, и я вдруг поняла, что это Гарлем. На одной залитой крошечной чернотой улице Рэбай остановился и крикнул что-то во мрак, откуда тут же появился черный человек в черной кофте с капюшоном. После короткого разговора с ним Рэбай проехал несколько блоков и вышел из машины. Он вернулся через пять минут очень довольный собой.

Теперь он был в прекрасном настроении, мы ехали по третьей авеню в плотном потоке машин, дома вокруг искрились огнями, толпы пьяных веселых людей ходили по улицам, тарачась по сторонам. Присутствие на Манхэттене давало Рэбаю много энергии, он веселился и подпевал Бобу Марли – "rastaman vibration! yeah!!! positive!", которого все время слушал в машине.

– What did you get? – спросил мой друг. По его вопросу я поняла, что он, как и я, уже догадался, что Рэбай только что купил героин.

– Heroin! – страшным (по мнению самого Рэбая) голосом сказал он.

– Это правда, что героин намного дешевле кокаина?

– Я могу найти такой героин, который будет стоить a lot of money!!! – ответил Рэбай.

– А какая обычная цена? Мне просто интересно, я не собираюсь покупать, – прибавил мой друг с улыбкой.

– Нет, не спрашивай, я не скажу, – сказал Рэбай и мне очень сильно не понравился его ответ. С этого момента я знала, что он обязательно предложит нам героин, но рассчитывает сделать это позже. Но, возможно, я ошибаюсь, подумала я, или, может быть, потом он передумает, если поймет, кто мы, как жаль, что он этого не понимает.

– Heroin!!! – опять повторил Рэбай, он произнес это слово как имя своей роковой любви, с восхищением и страхом. – You can't imagine, guys, что это такое – иметь его в своем кармане и не использовать... хоть чуть-чуть... хоть капельку отсыпать... нет... все – я больше не прикасаюсь к нему. Я провел двадцать лет на героине! Двадцать лет! Но теперь конец. Больше никакого героина. Natural life. Natural high.

Рэбай отдал героин какому-то человеку в Виллидже и довез нас до дома. Он собирался ехать в Син-Син (куда отправлялся каждое воскресенье), но мы отказались идти туда сегодня, честно сказав, что очень устали. А Рэбай совсем не хотел с нами расставаться, подумала я. Казалось, наша компания была ему зачем-то необходима.

На следующей неделе Рэбай приезжал к нам почти каждый день и сидел до рассвета... Он все рассказывал и рассказывал свои истории, а мы с жалостью слушали его. Он рассказывал, как жил в Европе, в Индии, в Японии, рассказывал о своих сказочных богатствах, а мы просто слушали, не стараясь ни верить ему, ни поймать его на лжи. Утраченное богатство и молодость не давали ему покоя, это было понятно. Прошрое казалось ему несравнимо лучше настоящего. Но была у него одна мечта, которую он надеялся осуществить в будущем.

Дело в том, что от прошлой жизни у него все-таки кое-что осталось: когда у Рэбая еще были, но уже иссякали деньги, он купил огромный кусок земли на острове Тобаго, с пляжем и лесом и рекой, и там он всегда мечтал прожить свою старость. Этот человек рассказывал много фантастических историй, но именно эта, я сразу поняла, была правдивой.

Еще он много говорил, что любит музыку и называл себя *fake musician*. Он говорил, что по натуре он художник, но не все это замечают, потому что его искусство – это жизнь.

– *My life is a masterpiece*, – говорил он. – Сейчас я выйду на улицу, сяду на свой байк и поеду по Нью-Йорку. Я – актер, режиссер, и я же – зрители.

Еще он рассказал нам, что перепробовал все существу-

ющие наркотики и стал настоящим профессионалом в этой области. Я и мой друг до этого пробовали только марихуану (которую все же не следует сравнивать с тяжелыми наркотиками) и кокаин (всего лишь несколько раз). У нас обоих в прошлом было много возможностей принять все что угодно, но мы отказывались по одной и той же причине – никогда не знаешь, что тебе предлагают. И последние несколько лет я интуитивно ожидала встречи с человеком, у которого большой опыт употребления всего на свете и который захотел бы поделиться со мной своими знаниями. Я знаю очень хорошо, что все желания исполняются (поэтому человеку нужно быть очень осторожным в мыслях), и несколько не удивилась, осознав, что Рэбай идеально подходит на эту роль. И я спросила его, не посоветует ли он нам, где достать грибов или лсд. Он очень обрадовался, и мой друг тоже поддержал мою инициативу. Тогда Рэбай предложил поехать в Вудсток на выходных (он сказал, что хорошо знает этот городок и даже жил там в восьмидесятых целое лето) и мы сразу и с удовольствием согласились. Когда мой друг спросил Рэбая:

– Поедем на какой-то концерт?

....тот обиженно ответил:

– Там всегда концерт.

В пятницу Рэбай неожиданно опять позвонил в нашу дверь, мы не ждали его и никуда не собирались. В этот раз он был не один – с ним в нашу квартиру протиснулся испуганного вида человек – черный, худой, с тонкими неприятными

дредрами, болтающимися за спиной, одетый в белый (дешевая подделка под льняной) костюм, и в черных лакированных туфлях на босу ногу. Он тут же уселся в кресло и схватил нашу сигарету. Его звали Тито, выглядел он как плохая копия Рэбая, как пародия на него. Они знали друг друга уже четверть века, и (как я узнала позднее) это Рэбай сделал его растаманом.

Увидев, что мы просто сидим и накуриваемся (слушая музыку), Рэбай сказал, что мы должны поехать с ним, что он подождет, пока мы соберемся и дунем, а потом поедем в Клуб-Хаус. Мы не возражали. Мне очень хотелось посмотреть на этот Клуб-Хаус, про который рассказывал мой друг. Я ушла переодеваться в ванную и оттуда услышала, как Рэбай высказывает что-то Тито, а тот агрессивно оправдывается.

Мы выехали с наполненного людьми острова, который праздновал свой священный праздник Friday Night, по Манхэттенскому мосту въехали в темный и (после Сити) кажущийся совершенно безлюдным Бруклин, проехали через Вильямсбург, через еврейский район (тоже почти пустой, я увидела только нескольких хасидов в черных плащах и шляпах и с омерзительными пейсами и бородами, которые, молча и не глядя по сторонам, брели куда-то сквозь ночь), через мрачные высокие одинаковые кирпичные здания – родные проекты Джэй Зи (Рэбай сейчас же рассказал нам об этом)...

Я рассматривала мир, плавно скользивший мимо меня, нюхала воздух Бруклина, и мне было почему-то очень груст-

но.

Куда я еду? Где я? Что я ищу? Что я делаю здесь, в этой машине? Как я здесь оказалась? В каком направлении я двигаюсь, и что меня ожидает? Я попала на другой край света, на другую сторону мира, я где-то так далеко, что сама уже не знаю, где я. И не знаю, кто я, и что мне нужно. Есть одна русская сказка, которая называется Пойди-Туда-Не-Знаю-Куда-Принеси-То-Не-Знаю-Что. У меня примерно такая задача. Я иду туда, куда катится мой клубочек...

Наконец-то Рэбай припарковался у темного высокого браунстоуна. Выйдя из машины, он задрал вверх голову и крикнул что-то, после чего вниз упали ключи. Мы поднялись на крыльцо, открыли дверь в парадную и поднялись на последний этаж.

Дверь в Клуб-Хаус была старой и деревянной (почти всегда она была незаперта, в отличие от двери в подъезд), над ней висел железный крест, очень напоминающий православный (на самом деле – эфиопский). Мы толкнули дверь и вошли внутрь, оказавшись в узком коридоре, который шел направо и налево, в нос мне сразу ударил сильный запах травы. Мы, следуя за Рэбаем, пошли налево по коридору (на стенах висели африканские маски, старые пожелтевшие плакаты, особенно хорошо я запомнила пустую картинную раму прямоугольной формы, в стене справа было несколько одинаковых дверей, покрашенных белой краской, которая уже давно облупилась; ремонт в этой квартире не делался, похо-

же, тысячу лет) и оказались в небольшой квадратной комнате, ярко освещенной электрическим светом: вдоль стен на стульях и табуретках сидели растаманы, в углу комнаты на самом верху под потолком висел старый телевизор, в центре стоял круглый железный стол, вокруг него сидели несколько человек и играли в карты, на одной стене было зеркало, завешенное плакатами и черно-белыми (большей частью) фотографиями. Все стены в комнате были покрыты чем-нибудь, нигде не было свободного места – полки и полочки, поднимающиеся прямо до потолка, на которых расставлены ступки, кувшины, статуэтки, фотографии, в одном месте висела козлиная шкура, в другом – связка черных перьев, на одной стене застыла старая продранная карта мира. И конечно, повсюду стояли барабаны. И еще в этой комнате не было окон.

Войдя внутрь, я почувствовала волну удивления, исходившую от большей части присутствующих. Никто не посмотрел мне в глаза, никто не сказал мне ни слова. Только Джери, увидев меня, вскочил и протянул руку и сказал так, чтобы никто другой не слышал:

– Hello, Princess.

...а затем протянул руку моему другу. Никто из растаманов не уступил нам место, все остались сидеть.

Рэбай прошел через комнату на кухню, посмеиваясь и свысока оглядывая окружающих. Мы тоже пошли на кухню (она была грязная и старая), где народу было меньше, Рэбай набил нам трубку, постоял минуту и ушел обратно в комна-

ту, предварительно, конечно, спросив "Everything positive?" и мы ответили "Positive". Через несколько минут зашел Джери и незаметно для других сунул моему другу кусок травы.

Безусловно, это место было не таким интересным, каким я его себе представляла. Раста (их, кстати, здесь было человек пятнадцать), которых я ожидала тут встретить, воображались мне молчаливыми старичками с белоснежными бородами, как Джери, или как тот, похожий на сумасшедшего, старик, который подарил мне свою растаманскую шапочку (здесь его не было). А передо мной поношенные, недовольные и страшно завистливые люди. И все они не могут прекратить про меня думать. Теперь, стоя на кухне, мне было проще чувствовать, как их любопытство просачивается сквозь стену, как они отчаянно хотят понять, кто я (и вообще, кто мы) и что здесь делаем и почему мы здесь вместе с Рэбаем.

– А ведь Джери среди них самый главный, правильно? – спросила я своего друга.

– Думаешь? Наверно, да. Но ты думаешь, у них обязательно есть главный?

– Конечно, должен быть кто-то главный, иначе не бывает. И вообще, мне все про них понятно.

– Что?

– Самое интересное. Но об этом давай поговорим потом, не здесь, – сказала я. Не смотря на то, что я была уверена, что никто из растаманов не понимает нашего языка, говорить здесь вслух о своих догадках я считала неосторожным.

Недалеко от входа на кухню освободились два места и мы их заняли. Достав по сигарете, мы стали рассматривать людей в комнате и прислушиваться к тому, о чем они говорят. Их речь казалась какой-то тарабарщиной, ничем не напоминающей английский, но, внимательно слушая, я стала узнавать некоторые словосочетания. Они говорили на сломанном, изуродованном и упрощенном английском, говоря she вместо her и overstand вместо understand. Некоторые слова они произносили по-своему, растягивая их или съедая окончания, ставя не туда ударение. Мне было тяжело их понимать, но не так тяжело, как Рэбая. Хотя здесь с ними он говорил на том же птичьем наречии.

Вдруг к нам подошел человек – он был небольшого роста, с очень темной кожей, босиком, в очках, и дреды его были намотаны на голове в чалму наподобие того, как советские женщины наворачивали на голову полотенце (кроме него и Тито, который сейчас сидел в углу и жадно курил косяк, все остальные растаманы имели на головах шапки). Он представился, но я не услышала его имени. Было видно, что он хочет завязать разговор и я тут же дала ему эту возможность, он сел рядом на корточки и продолжал задавать формальные вопросы (откуда мы, что делаем в Нью-Йорке и т.д.). Он был очень, очень заинтересован в нас. Он старался быть очень вежливым и показаться образованным. Мы заговорили про Обаму, а потом, видимо, рассчитывая сделать мне приятное, он сказал:

– Я очень интересуюсь российской политикой, кроме того, мне очень нравится Путин.

– Правда? И чем же? – спросила я.

– Он сильная личность.

– He is a real coward, – сказала я.

– Мой любимый политик – это Ахмуд Ахмадинеджад, – сказал он и попытался хитро улыбнуться.

Ну и иди на хуй, подумала я и, улыбнувшись ему в ответ, отвернулась и попросила своего друга забить трубку. Неприятному человеку пришлось встать и уйти. Но, вернувшись на свое место, он продолжал следить за мной глазами.

Растаманы в комнате громко разговаривали между собой, а некоторые постукивали пальцами по барабанам, тихо наигрывая какой-нибудь ритм. Вдруг Джери медленно подошел к себе барабан и начал играть, вслед за ним тоже самое сделали другие. Музыка наполнила комнату, она звучала так громко и так мощно, что дрожали стены и несколько плакатов упало на пол. Ни на что не похожая, первобытная музыка. Теперь, в этот самый момент, мне стало понятно, что все музыканты вокруг – это ученики Джери, что все они ему завидуют, что он одновременно и дирижер, и первая скрипка, что Джери играет так, что, может быть, никто в мире не сыграет на джембе лучше, чем он.

Кроме того, я внезапно поняла, что он играет для меня. Всем им что-то нужно от меня – все время всплывало в моей голове, а сейчас успокоенные музыкой мысли выдали мне

это как неопровержимый факт. Все они считают себя обладателями секретов, о которых мы, по их мнению, не имеем представления. Раз так, то я обязательно выясню, обладанием каких таких тайн гордятся растаманы (решила я).

Вдруг из кухни появился тот человек, с которым я разговаривала про Путина и Ахмадинежада, и стал танцевать: он прыгал и трясся, изображая шаманские пляски, размахивая распущенными дредами. Танцевал он в основном вокруг меня, все время норовя задеть мои ноги, так что мне даже пришлось несколько раз отодвинуться. Когда он закончил и его как будто засосало обратно в кухню, Джери тоже быстро свернул музыку и отодвинул барабан. Тут на середину выбежал Рэбай и начал кричать нам:

– Ну как, а? Охуели? Джери – мастер!!! Мастер!!! Кто-нибудь играет так на барабанах в твоей России? Я тебе говорю – я знаю музыку. Watch me, watch me – I know music! Masta Jerry!

К этому моменту Рэбай был уже достаточно пьян (я видела – он жадно пил все подряд: пиво, ром и водку), но сейчас как будто встрепенулся и убежал на кухню, откуда через минуту вышел с тарелкой и дал ее мне в руки. На тарелке была странная (тринидадская, теперь я уже знаю) еда, пахло шпинатом. Все потянулись на кухню и возвращались оттуда с едой. Мы с другом поели с одной тарелки, а затем закурили еще одну трубку. Растаманы с неприязнью посматривали на нас.

Тито бегал за Рэбаем и жаловался, что ему не досталось еды. Рэбай посылал его на хуй и смеялся, и вдруг я услышала как он сказал ему:

– Не забудь, поедешь завтра со мной и с русскими в Вудсток, понял? Рано с утра!

– А разве мы поедем утром в Вудсток? Уже почти утро...
– спросила я.

– Если вы хотите. Я вас не заставляю.

– Мы хотим, – ответили мы одновременно. – Только когда мы поедем на Манхэттен? Уже больше трех.

– Скоро, скоро, – ответил он. – Just one more drink.

* * *

Мы попали обратно на Манхэттен только на рассвете. Трудно описать этот невероятно красивый и грустный вид нью-йоркских улиц ранним майским утром. Ист-Виллидж опустел, толпы людей исчезли вместе с темнотой, оставив после себя горы мусора. Ветра не было, и воздух был теплым, легкий туман оплетал расцветающие деревья, которые замерли без движения. Бомжи спали прямо на тротуаре, они лежали повсюду, через каждый метр, иногда по двое, иногда по отдельности; они лежали неподвижно, закрыв руками головы или отвернувшись лицом к стене.

Рэбай высадил Тито в Виллидже, довез нас до подъезда (вел машину он полуавтоматически, глаза у него закрыва-

лись) и все-таки сказал, что вернется через несколько часов, в девять утра, и уехал домой в Нью-Джерси. Мы, естественно, сомневались, что он придет, но в десять он действительно позвонил в нашу дверь.

Мы быстро собрались в дорогу (Рэбай все время нас торопил), быстро дунули, перелили недопитый кофе в картонные стаканы и поехали в Вудсток. Яркое солнце было уже высоко в небе.

По дороге мы подобрали Тито. Оказалось, что он провел ночь в машине, которую припарковал недалеко от нашего дома, на десятой улице. Он был по-прежнему в своем белом костюме и лакированных туфлях, но теперь на голове у него была растаманская шапка, под которую он убрал свои дреды. Я не вслушивалась в детали их спора вчера вечером, но теперь мне стало понятно, что Рэбай ругал его за то, что тот ходит по улице с распущенными дредами. Теперь, несмотря на то, что Тито, как видно, подчинился Рэбаю, тот продолжал кричать:

– Bomboclad!!! Bombo-ras-clad!!! Pussyclad!!!

Рэбай ругался с поразительным воодушевлением и удовольствием (при этом ни на секунду не отрывал глаз от дороги) и угрожал, что отрежет Тито его дреды вообще.

По дороге в Вудсток мы скурили два косяка (которые предварительно завернул для нас Рэбай) и уже не чувствовали себя невыспавшимися, в машине играл Боб Марли (Rainbow country), солнце светило в окно, Рэбай кричал на

Тито, но я не обращала на это внимания: за окном перед моими глазами проносилась Америка. Природа, похожая на русскую, те же деревья, кусты и трава, и кажется, если не знать, где ты находишься, то можно было бы подумать и поверить, что это Россия за окном; но что-то чужое все-таки было в этом пейзаже – другой оттенок неба, да и на самом деле – все другое. Ощущения, что не видать конца и края, от этой картины не возникало.

Мы ехали на север, апстэйт (как здесь говорят), в сторону Канады и великих озер. Вудсток находится в двух часах езды от Нью-Йорка, после 1969-го года там поселились некоторые из самых первых хиппи, туда ездили и ездят туристы, и теперь на месте (если быть точнее – рядом с тем местом) где полвека назад проходил легендарный концерт, расположился небольшой городок, населенный музыкантами, художниками, писателями и прочими людьми искусства, пытающимися обрести здесь творческий рай, живя в гармонии с природой и употребляя различные наркотики, в которых в Вудстоке знают толк. Сразу и навсегда меня очаровал этот маленький город в долине у подножья невысоких, голубых на фоне светлого неба, гор. Это место было похоже на город из сказки, может быть, на Хогсмит, подумала я, или на Годрикову Впадину. Вудсток – это городок, в котором немедленно хочется поселиться.

Главная и практически единственная улица, Тинкер Стрит, состоящая сплошь из ресторанчиков и магазинов, в

это воскресение была полна людей. Они были жизнерадостными, все сплошь (за очень редким исключением) белые, и во внешнем виде этих людей просматривался один и тот же стиль: например, женщины ходили в ярких разноцветных длинных юбках или развевающихся штанах, и шеи их были увешаны бусами, а волосы распущены, и многие мужчины, независимо от возраста, имели бороды и прикрывали лица соломенными шляпами и черными очками. Здесь было много стариков, которые по-прежнему прикидывались ковбоями и старух с покрашенными в черный цвет волосами, ярко-красными губами и рыбьими глазами, у которых все руки в кольцах и браслетах; были женщины лет пятидесяти, загорелые и веселые, с пухлыми руками, все, как одна, с волосами, покрашенными в ярко-рыжий; были молодые девушки в легких сарафанах и с ровным загаром, с выгоревшими на солнце волосами и красивыми и спокойными лицами. Женщин здесь было намного больше, чем мужчин.

В одном переулке от Тинкер Стрит на большой лужайке под сенью высоких деревьев жители Вудстока по выходным устраивают ярмарку (туда мы и направились следом за Рэбаем). Здесь продавались антикварные вещи, зеркала, шкатулки, украшения, скульптуры, свечи, сувениры, одежда ручной работы и множество таинственных артефактов (как, например, эфиопский крест, который очень заинтересовал Рэбая, такой же, как над входом в Клуб-Хаус). Еще здесь продавались вещи с растаманской символикой, и в этом месте Рэбай

наконец-то остановился, потому что нашел того, кого искал. Это была уже не молодая женщина (одна из хиппи, как мы узнали позже, поселившаяся здесь много лет назад вместе со своими сестрами и зарабатывавшая на жизнь всякими поделками), в платье с открытой спиной и руками, с волосами до плеч, завитыми в локоны и покрашенными в светло-золотистый цвет. У нее было красивое правильно произношение, и она не очень-то была рада видеть Рэбая и Тито, который тут же сел в ее шезлонг. Мы с моим другом прогуливались рядом и рассматривали вещи на столах, люди улыбались нам и радовались ответной улыбке. Рэбай отправил Тито (теперь мне было понятно, почему он взял его с собой – дело в том, что Рэбаю было необходимо иметь при себе слугу, кого-нибудь, кто согласен выслушивать его крики и ругань и терпеть унижения) вместе со своей старой знакомой куда-то с каким-то поручением, а мы вместе с ним направились в соседний двухэтажный дом (который находился в самом центре Вудстока, в середине Тинкер Стрит). В той его части, которая выходила на улицу, на первом этаже располагался магазин одежды, а на заднем дворе была незаметная дверь.

– Он должен быть здесь, здесь должно быть не заперто, – сказал Рэбай и потянул дверь на себя и она действительно открылась.

Перед нами была узкая лестница, ведущая на второй этаж, а там еще одна дверь (оранжевого цвета), он открыл ее и я увидела в темной маленькой комнате (сквозь завешанные

полотенцами окна солнце в комнату почти не проникало) несколько фигур, сидящих за круглым столом, у одного из них были зеленые волосы до плеч и обвислая иссохшая кожа на лице. Трясущимся голосом, прерывающимся на кашель, он крикнул :

– Рэбай! Позитив! Позитив! О, как я рад тебя видеть, как я рад что ты приехал и зашел ко мне, проходи, садись, О, что это за люди рядом с тобой, неужели они правда русские? вы так порадовали меня тем что пришли, пожалуйста, если когда-нибудь еще будете здесь, обязательно приходите и проведите старика Майки!

И он протянул мне дымящийся в его руке косяк. Я поняла, что и он недоволен приходом Рэбая, зато наше появление его действительно радует. Услышав, что хозяин дома (а это был его дом – маленькая комната-кухня с выходом на балкон, в которой мы сейчас находились и такая же небольшая спальня за стенкой) не против неожиданных гостей, прежние гости расслабились и стали с любопытством меня разглядывать. Рэбай тем временем взял у человека с зелеными волосами несколько хороших башей просто бешено пахучей травы, приговаривая "позитив, позитив", а затем спросил, нет ли у него грибов или лсд для русских, которые никогда в жизни не трипповали под галлюциногенами и хотят попробовать.

– Грибов сейчас нет, – ответил он, – А лсд...

Тут вдруг человек, до этого сидевший в углу, протянул

Рэбаю что-то и сказал:

– У меня есть, здесь на двоих.

Рэбай тут же подбежал ко мне и, прежде чем я успела засмеяться, засунул мне в рот маленькую квадратную пластинку, которая на вкус была как кусочек картона, а затем отдал другую моему другу и он тоже положил ее в рот.

В тот самый момент, когда кусочек лед соприкоснулся с моей слизистой, произошло как будто короткое замыкание, разрыв (в пространстве или во времени?), и я увидела (на секунду, или я увидела это как будто в щелочку) чудесную картину – зеленый лес, пейзаж из другого мира, возможно. Всего лишь на мгновение. Никто не заметил, что мельчайшую частицу времени я провела не здесь, я посмотрела на своего друга и он улыбнулся мне. Мы одновременно встали и попросили разрешения покурить на балконе.

Балкон был квадратным, и с одной стороны прилегал к крыше. На перилах были разложены красивые небольшие камешки, ракушки и статуэтки, в углу сидел каменный будда с блаженной улыбкой, рядом с дверью висели колокольчики и знаменитый символ – пятиконечная звезда в круге – на черном шнурке. Мы закурили по сигарете, обсудили вкус картонки, решили, что надо дождаться, пока она окончательно растает во рту и, замолчав, стали смотреть в сторону березовой рощи, которая переливалась светом и красками. Стоять под солнцем было очень приятно, и мне впервые за долгое время стало наконец-то спокойно.

Мы вернулись в комнату. Проскользнувший внутрь солнечный свет, от которого поморщился хозяин дома, окрасил комнату в ее настоящие цвета. Почти все здесь было оранжевым – стены, пол, потолок, кухонные ящики, но стены большей частью были завешаны плакатами, фотографиями, картинками и пр., что очень напоминало Клуб-Хаус. На круглом столе зеленела марихуана – в стеклянных вазах разного размера, на весах, в пакетах, в коробочках, на блюдах и т.д. Ее было так много, и курили здесь так часто (курили через каждые две минуты), что стойкий, убийственный запах травы витал в воздухе и просачивался на балкон и на лестницу сквозь закрытые двери. Мы дунули из какого-то почетного бонга, который нам навязал Майк, и Рэбай, к нашему разочарованию (потому что нам в этом доме очень понравилось), сказал, что мы уходим. Мы быстро попрощались, пообещали когда-нибудь вернуться, если получится, спустились вниз по лестнице и вышли на улицу. Дул приятный свежий ветер.

Мы выбрали Тито, заехали в какой-то уютный супермаркет с красивыми овощами. Рэбай что-то покупал там, а мы с моим другом вышли дожидаться его на улицу и опять закурили по сигарете. В этот момент произошло странное событие – внезапно пропал кусок времени: мы стояли и курили около лэндровера Рэбая, спиной к выходу из супермаркета, лицом к лесу, в следующий момент я обернулась от какого-то неясного волнения и увидела, как Рэбай машет нам руками и слышала его крик:

– Это началось! – кричал Рэбай. – В эту секунду – оно началось! Запомните эту секунду!

Мы засмеялись и стали садиться в машину. Тут Рэбай дал нам по жвачке (когда я увидела ее, то поняла, что именно жвачку хотела сейчас больше всего, кроме того, в нее тут же жевался кусочек лед и через несколько минут растворился вместе с жвачкой) и сказал:

– Теперь, только теперь, сегодня – вы узнаете, кто я такой, вы увидите настоящего меня.

Мы ехали в машине и смотрели в окна, мне было так хорошо на этом заднем сидении, что хотелось никогда не прекращать ехать, всегда ехать и не переставать думать. В это момент мои мысли и чувства (между которыми сложно провести границу) сложились в несколько отчетливых голосов. Дело в том, что я, как и пелевинская лиса, героиня Священной книги оборотня, имею несколько личностей внутри себя. Можно назвать их личностями, но это слово не совсем здесь подходит. Этих голосов много, но три голоса – самые отчетливые, самые звонкие и иногда невероятно навязчивые. Один из них, назовем его первый, это голос полного бесстрашия, голос человека, который никому не доверяет и склонен подозревать всех, который не простит никому и никогда даже неверную мысль, а не то что поступок, и, на самом деле, хочет только одного – скорейшей смерти. Второй голос – это голос хитреца, он любит все логично и ловко объяснять и выискивать глубинные причины, при этом часто настроен

скептически (но свои негативные выводы высказывает не в такой агрессивной манере, как первый), это приятный голос, вкрадчивый и успокаивающий, но равнодушный, бесстрастный, голос разума, который не знает никаких чувств. Третий голос – голос интуиции и чрезмерного сострадания к тем, кто даже не просит сострадания. Он звучит редко, чаще всего упрямо отстаивает свою точку зрения.

– Разве ты всерьез пытаешься ему доверять? – спросил первый голос.

– Присоединяюсь, – сказал второй.

– Нет, пожалуйста, только не это. Помолчите, – ответил третий.

– Ты можешь пытаться доверять ему, но ты все равно будешь краем глаза следить и делать выводы, а значит все равно не будешь доверять, тогда зачем же пытаться? Даже своему лучшему другу, может быть единственному человеку на свете, который тебя по-настоящему любит, ты не доверяешь полностью. Ты хранишь свои тайны и даже не думаешь о них хоть кому-нибудь рассказывать. Если будешь пытаться доверять Рэбаю – это будет нечестно по отношению к тебе самой, – сказал второй голос.

– Тогда придется больше никогда с ним не встречаться, – опять заговорил третий, – Неужели нельзя заранее простить ожидаемый обман? Ведь если ты знаешь, что тебя собираются обмануть, это уже не обман. Рэбай обманет сам себя.

Мои внутренние голоса звучат громко и ясно тогда, когда

они о чем-то спорят и не могут прийти к соглашению. Когда мои мысли текут мирной спокойной рекой, голоса переплетаются между собой, как нити, и образуют единую линию потока сознания. Я подумала о том, что в движении мне всегда хорошо думалось и в детстве все самые свои большие философские открытия я совершила в каком-нибудь троллейбусе или трамвае. Я подумала о том, что мой друг, может быть, действительно доверяет Рэбаю, и поэтому мне нужно следить за всем происходящим сегодня очень внимательно. Тогда-то я и услышала, как Рэбай говорит Тито:

– Сейчас мы поедем к реке, а потом, после заката, поедем в церковь на горе. Понял меня?

Тито покорно кивнул в ответ.

Рэбай припарковался на обочине лесной дороги, мы вышли из машины и спустились по каменистому, поросшему деревьями склону к горной реке, мчавшейся с севера на юг. Солнце было прямо напротив нас, а справа, там, где брала истоки река, золотилась светло-голубая гора, имевшая, как я потом узнала, старое название Indian Head. Берег реки состоял из серых, голубых, розовых и бледно-желтых камней, по обе стороны реки росли высокие, старые деревья, на противоположном берегу сквозь молодую листву можно было разглядеть крыши домов, но никакие другие звуки, кроме плеска и шума воды, сюда не долетали. Вода была серебристо-серой, очень чистой и холодной на вид. Старый заржавевший мост пересекал реку как раз в том месте, куда привела нас

тропинка, и Рэбай объявил, что это – вот это место под мостом – его тайное место, секретное убежище, здесь он однажды прожил в палатке несколько недель и, несмотря на то, что это частная собственность, никто его отсюда не выгнал. Он сказал, что приезжает сюда на протяжении уже многих, многих лет.

Я сразу же пошла к воде, окунула руки и вдохнула речной запах. Мой друг замер на берегу, наблюдая за рекой. (Край уха я услышала, как Рэбай приказал Тито собрать веток для костра). Я села на большой камень, прямо напротив уже клонящегося к закату солнца и глубоко задумалась.

Какие такие картины могут увидеться мне под лед? Разве правы все эти люди, которые утверждают, что под лед им открывается истина, правда о мире, настоящая суть вещей, но проблема в том, что они не могут этого выразить? Разве увижу я что-нибудь такое? Это вряд ли. Они пытаются удержать в памяти свои видения под наркотиками, а сами не могут запомнить даже обычные сны. Я помню свой самый особенный, яркий и важный сон. Помню так хорошо, в таких деталях... Мне было семь лет, сон приснился мне в новогоднюю ночь, я спала на раскладушке около елки. В то время я ходила в музыкальную школу, и мне приснилось, что я знакомой дорогой через парк иду туда. Но вместо дороги и пешеходного перехода на моем пути была река и мост. Мост был деревянным, и речка была неширокой. На другом берегу я увидела зеленую поляну и опушку леса. Деревья в

этом лесу были такими высокими, как манхэттенские небоскребы, небо голубым и безоблачным, трава сочно-зеленой, и в траве виднелись огненно-красные цветы. Цвета были настолько яркими, что в дальнейшей жизни я иногда с трепетом вспоминала эти незабываемые краски, которые в нашем мире можно увидеть только на картинах гениальных художников. Я перешла по мосту на другой берег, оглянулась и увидела, что на той стороне реки такие же исполинские деревья, как и на этой, устремляются ввысь к далекому небу. Я была в каком-то странном мире, красивом и пугающем одновременно. Тогда вдруг из сочной высокой зеленой травы выскочили индейцы, в волосах у них были перья, а в руках – тонкие копья, у них была темная, красноватая кожа и дикие глаза. Они окружили меня и взяли в плен, копьями показывая, куда мне идти. Они увели меня вверх по течению реки, и теперь деревянный мостик совсем пропал из виду. Я оказалась в гуще индейцев, они говорили мне что-то на непонятном языке, и я каким-то образом начала их понимать, они хотели, чтобы я подошла к их священному камню и прикоснулась к нему. Меня подвели к камню. Это был старый, испещренный письменами и резьбой камень размером с человека, по форме напоминающий яйцо. Этот камень не был просто камнем, в нем была какая-то жизнь, какая-то сила, воля, как будто кто-то был заключен в нем и звал меня к себе, просил протянуть руку. Камень пульсировал и из его трещин вытекала жидкость, похожая на масло или мед. Я ре-

шила во что бы то ни стало не прикасаться к камню, и индейцы, поняв это, сообщили мне, что тогда они собираются меня казнить. Меня отвели подальше от камня и дали время подумать. Я стояла на берегу и смотрела на реку, не зная, что же мне делать. Вдруг я заметила Иисуса Христа, стоящего недалеко от меня и, по видимому, тоже ожидающего казни. Я запомнила его очень хорошо. Он смотрел на меня, как бы давая что-то понять, как будто говоря что-то без слов. Тогда индейцы подошли и объявили, что время истекло и они сейчас будут казнить сначала его, а потом меня. Но перед этим они пообещали выполнить любое желание осужденного. Тогда он посмотрел на меня последний раз и прыгнул в реку, которая вдруг превратилась в широкий бурлящий горный поток с высокими берегами. Он уплыл по течению и исчез в серебристых брызгах водопада, срывающегося вниз с высокой скалы. Я проснулась ранним утром и помнила этот сон весь до мельчайших подробностей. Потом я часто его вспоминала, чтобы сохранить для будущего таким же ярким и подробным, и время странным образом не влияло на него.

Разве может мне привидеться под лед что-то подобное? Ведь мир – иллюзия, а лед – лишнее тому подтверждение. Я могу воздвигнуть город прямо на этом месте, могу превратиться в рыбу и уплыть вниз по течению, все что угодно – достаточно только захотеть. Но я не хотела ничего менять. Пейзаж вокруг меня был совершенен. Разве может быть что-то красивее реки, леса, горы и солнечного неба? Только ржа-

вый мост мне здесь не нравился, но это мост Рэбая, поэтому он тоже должен быть здесь.

Я, как замороженная, не отрываясь смотрела на воду и продолжала думать. Я заметила, что деревья по обе стороны реки – очень высокие, небо тоже было невероятно высоким, как в моем сне. И река очень напоминала ту самую реку. Лёд действовало на меня все больше и больше. И тогда я поняла, что слышу музыку и голос Бьорк. All is full of love играла в моей голове невероятно четко. Какое-то время я наслаждалась этой песней, потом переключила ее на Human behaviour, затем мне захотелось поделиться наблюдениями со своим другом. Я повернулась к нему, он сидел на берегу в двух метрах от меня. Не помню, что я ему сказала и не помню, что он сказал в ответ, но мы просто не поняли друг друга, совсем. Тогда мы засмеялись и перестали пытаться поговорить. Я повернулась в сторону Рэбая и увидела, что он уже разжег костер и развел вокруг какую-то кипучую деятельность с овощами и котелком, а рядом на земле были постелены два шелковых шарфа, синий и зеленый, и я поняла, что это для нас. (Все эти вещи, видимо, были взяты у той блондинки-хиппи с хорошим английским). Тит сидел на корточках рядом с костром и чистил морковь. Окинув все это взглядом, я вдруг остановилась на самом Рэбае и неожиданно поняла, что он выглядит совершенно не так, как раньше. Первое – на нем почти не было одежды, только закатанные выше колен синие джинсы, и его дреды

были замотаны на голове, образуя высокий тюрбан. Второе – он не был черным. Не смотря на то, что эта мысль показала мне самой абсурдной, его кожа действительно имела совсем другой цвет. Скорее красный, чем черный. Он был индейцем, совершенно точно. И третье – на его груди я увидела яркую большую татуировку (на теле Рэбая вообще было очень много татуировок, но эта была, несомненно, главной) – на ней был изображен человек в военной форме, напеминающей одежду красноармейцев и белых офицеров одновременно. Этот человек вызвал во мне большой интерес.

Я встала и пошла к Рэбаю, села на зеленую подстилку, спиной к реке и лицом к Рэбаю, и спросила его:

– В тебе же есть что-то от индейцев, правда?

Он посмотрел на меня хитро, и его глаза блеснули, и с удовольствием ответил:

– Мой отец был индейцем.

Я смотрела на него и видела индейца, который чувствует себя комфортно босиком и полуголым на берегу реки, в отличие от меня – человека, который всю свою жизнь прожил в пыльных городах, и здесь, на природе, я чувствовала себя лишней. Как этот ржавый мост над моей головой.

Человек – лишний в этом мире. Мир совершенен, человек делает его несовершенным. Когда мне было года четыре, я спросила маму:

– Зачем Бог создал тараканов?

Конечно, она не смогла мне ответить и даже понять смысл

моего вопроса, но все было очень просто: я исходила из того, что этот мир создан Богом, следовательно он должен быть совершенным, а наличие тараканов мне казалось странным, они не вписывались в мою картину совершенного мира, в котором, как мне думалось, я нахожусь. С течением времени я поняла, что люди – это и есть те самые тараканы, которые все портят. Зачем в таком случае мы были созданы?

Мы созданы по образу и подобию, но мы несовершенны. Только одного человека я могу назвать совершенным, but can you ask as much from any other man? Тем не менее, будучи несовершенным, человек все же может совершенство создавать. У Пелевина есть один рассказ (мой любимый), он называется Гость на празднике Бон, и там есть замечательная мысль: красоту нельзя объяснить словами, но ее можно создать с помощью слов.

Мы можем создавать нечто совершенное. В этом и наше сходство с создателем. Мы тоже – создатели. И мы свободны. Желание Бога сделать нас свободными (и необходимость для нас самих быть свободными, потому что это условие существования) – это и есть наша большая беда. В искусстве же – свобода всегда абсолютная. В момент создания художник свободен от всего – от нищеты, от голода, от боли, от прошлого и будущего, даже от скорой, неизбежной, подступающей смерти.

Я замкнулась в своих мыслях. Мой друг теперь сидел рядом со мной, на синей шелковой подстилке. Он о чем-то го-

ворил с Рэбаем, но я не вникала. (Рэбай варил овощную похлебку в котелке). Когда мне захотелось все-таки понять, о чем они говорят, у меня почему-то не получилось, даже не смотря на то, что я разбирала отдельные слова и они казались мне знакомыми, я не могла выстроить их вместе и понять смысл услышанного. Я была как будто изолирована от окружающих. Мне ничего не оставалось, кроме как провести весь оставшийся вечер погруженной в свои мысли, почти ни с кем не разговаривая. Кроме того, мне мерещились некоторые вещи, о которых я тогда в точности не могла сказать – происходят ли они, слышу ли я действительно эти слова или нет?

К одному из таких случаев стоит отнести те слова Рэбая, которые я услышала в машине – "потом поедem в церковь на горе". Я не была уверена, говорил он это, или мне показалось. Тоже самое случилось и сейчас: Тито снял свою растаманскую шапку и распустил дреды, затем вытащил откуда-то две тканины – черного и белого цвета, они были похожи на шарфы, но сделаны были явно из плотного материала, он зачем-то аккуратно развернул каждую из них (и они показались мне развевающимися флагами), а потом свернул обратно, я спросила его "а что ты делаешь?" и была шокирована его ответом, но я все-таки хорошо запомнила смысл сказанного – "я готовлюсь к церемонии", но не сохранила в памяти конкретных английских слов, которыми он должен был воспользоваться. Позже я размышляла – может быть, я

и не спрашивала у него ничего, и он ничего не отвечал? Я решила больше не задавать ему вопросов и отвернулась от него.

Но я чувствовала, что что-то происходит, и что то, что мне мерещится (даже если оно мне всего лишь мерещится) имеет какое-то значение. Что-то должно было произойти здесь сегодня.

Мы закурили трубку – Рэбай смешал измельченную ма-рихуану с табаком, немного смочил кокосовым молоком, что меня сильно удивило, и получилось идеально. Рэбай не курил, он пил текилу из горла и выпил уже треть. Мы поели печеной в золе картошки и белого хлеба, а потом сготовилась овощная штука в котелке, Рэбай каждому положил еду в деревянную скорлупку, приговаривая:

– I'm a master cook! Try this!

Тито он протянул еду как нелюбимой собаке, которую все же приходится кормить. Суп был действительно очень вкусным, но чересчур острым, и овощи, на мой взгляд, были порезаны слишком крупно. Мы сказали, что суп просто замечательный и невероятный, и я прибавила (так как в приготовлении еды мне нет равных):

– Я готовлю очень хорошо, но ты, может быть, готовишь еще лучше!

Рэбаю этот льстивый комплимент пришелся как раз по вкусу и он не понял, что если женщина так говорит, значит намеренно преувеличивает. Суп был слишком острый, и я

не смогла его доестъ, но мой друг съел все без остатка (хоть и признался мне потом, что в конце доедал уже через силу). Мы дунули еще трубку и Рэбай вдруг встал со своего места и пошел куда-то с Тито, держа в руках белую тканьину. Я спросила:

– Куда вы?

И Рэбай, оглянувшись на меня, ответил:

– Этот урод Тито разучился завязывать тюрбан, я пойду завяжу ему.

Мне было непонятно, зачем для этого надо отходить в сторону, но спрашивать я уже не стала (так как, я уже писала, говорить словами мне было тяжело). Они скрылись в кустах. Через некоторое время вернулись, и Тито выглядел замученным и униженным, на его голове был туго замотан белый тюрбан, скрывающий дредлоки.

В руках у него была его шапка – грязно-белого цвета с тремя полосами: red, gold and green. Рэбай сел на землю и с довольным видом завязал себе черный тюрбан. Мой друг стоял у костра, скрестив руки на груди, я сидела на своем месте, недвижимая и погруженная в свои мысли, и вдруг поняла, что сейчас что-то произойдет. В это момент Рэбай сказал, обращаясь к Тито:

– Ты вообще не растаман! Ты не заслуживаешь носить шапку, которую я тебе дал!

И вырвал ее у него из рук.

Я знала, что он каким-то образом захочет дать ее моему

другу. Все происходило очень быстро: он бросил ее в костер, мой друг стоял в двух шагах, скрестив руки на груди, и на его лице была странная улыбка. (Позже он рассказал мне, что в тот момент, когда шапка лежала в огне, Рэбай громко сказал ему: "Так ты возьмешь ее или нет?!") Было очевидно, что это – приглашение стать растаманом. Мой друг, конечно, не хотел брать на себя никаких обязательств. Он взял шапку из любопытства и еще потому, что ему было жалко Рэбая (он представил, какое у него было бы лицо, если бы шапку никто не вытащил из огня). И когда мой друг медленно сделал шаг, наклонился и вынул ее из костра, все с облегчением засмеялись. Хотя, не помню, смеялась ли я и смеялся ли вообще кто-то. Но Рэбай очень развеселился, подбежал к нему, надел ему шапку на голову со словами "дай я покажу, как ее надо носить".

Мы еще какое-то время посидели у костра, дунули еще трубку, но солнце уже садилось. В сумерках мы потушили костер, собрали мусор и стали взбираться вверх по склону, когда Рэбай вдруг совершил странный поступок: в руках у него была почти пустая бутылка текилы, он допил остатки и разбил бутылку. Осколки разлетелись по песку и камням.

Мы сели в машину и меня мучил один вопрос: поедем ли мы в церковь на горе, эта мысль превратилась в навязчивую идею. Мне было необходимо выяснить, существует она или нет. Лсд по-прежнему действовало, хотя пик уже был пройден.

Но вместо церкви мы припарковались около дома той хиппи-блондинки, которую встречали на ярмарке. Это был прямоугольный дом белого цвета с множеством дверей и одинаковыми фонариками над ними, за домом шумела река, большие ветвистые деревья росли вокруг. Наша хиппи жила в одной из одинаковых небольших комнат, там было мало места, сыро и холодно, но очень чисто, почти все вокруг было белое и с потолка свисали звездочки из фольги, повсюду лежали всякие поделки, рамки, коробки и шкатулки, сувениры и прочее... В углу стояла белоснежная кровать с паланкином, куда тут же – в обуви! – плюхнулся Рэбай. Тито занял единственное кресло. После короткого разговора с хозяйкой о том, что нового происходит в Вудстоке, и о том, что мы сейчас на лед и что мы русские, Рэбай заснул, лежа поперек кровати. Тито уже спал в кресле, положив ноги на кофейный столик и накрывшись белым покрывалом с головой. Мы от нечего делать поговорили с женщиной-хиппи (она рассказывала нам про Вудсток), потом сходили к реке покурить трубку, вернулись назад, найдя теперь уже всех спящими, и, так как нам больше ничего не оставалось, легли на пол и попытались заснуть.

Так мы пролежали всю ночь, было невыносимо холодно, мне казалось, что я не заснула ни на одну секунду, и только когда открыла глаза, поняла, что мне снилось, как я лежу на ледяном полу, не могу заснуть и дожидаясь рассвета.

Я вышла на улицу и увидела первые лучи солнца. Трава

была покрыта крупной росой. Я разбудила Рэбая, он быстро поднялся, растолкал Тито (пинками), закурил сигарету и наконец-то сказал:

– Let's go.

* * *

Your world is plastic! Can see through to the other side! – пел Swamp Dog, один из любимых черных певцов Рэбая, – Your cities are made of wood, antiques are what you've got inside. Houses are paper but folks don't hear a word you say. Friendship's like acid, it burns as it slides away. So you see! My patience is growin' thin... With this synthetic world we're livin' in...

По дороге домой я все смотрела в окно: мимо проплывали туманные горы, слоистые скалы, зеленые рощи... А потом вдалеке появился призрачный город, он был облаком... Казалось, что порыв сильного ветра мог бы размыть его очертания. Казалось, что он весь состоит из тумана, что это всего лишь мираж... Но мы въехали на Манхэттен и помчались по его улицам.

За окном был сонный Гарлем, затем абсолютно мертвый Мидтаун, потом мы въехали в Виллидж, который тоже еще спал. Солнце уже вышло из-за горизонта и цветы в Томпкинс Сквер Парке тянулись к нему всеми своими силами. Желтые, красные и фиолетовые – они подставляли солнцу свои

раскрытые бутоны, источая пленительные запахи. На небе было всего лишь несколько облачков. Местные бомжи, которые уже начинали просыпаться, щурились, сидя на асфальте, прислонившись спинами к стенам домов, грелись, подставляя лица теплоте свету, и почти что улыбались.

Целая группа сидела около нашего подъезда. С любопытством они следили, как мы вылезли из машины Рэбая и направились домой.

– Positive! – крикнул один из них Рэбаю.

– Positive! Positive! – с удовольствием ответил он и затем крикнул нам, когда мы уже открывали дверь в подъезд, – See you soon!

Когда мы зашли в квартиру – первым делом включили Боба Марли, затем сварили кофе, выкурили трубку и почувствовали свежие силы. Совсем не хотелось спать, лед по-прежнему действовало, но уже по-другому – плавно и нежно.

– I feel so good in my neighbourhood... – весело пел Боб.

Цвета были такими яркими, что хотелось все вокруг обсуждать и фотографировать. Мы высунулись в окно и наблюдали за парком. Я обернулась и на глаза мне попала растанская шапка, лежавшая на столе. Я подошла к компьютеру и открыла страницу в википедии, посвященную растафарианству.

Быстро прочитав статью, я сказала моему другу:

– Ничего себе! Здесь написано, что они никого не обращают в свою веру, что они не занимаются распространением

растафарианства, что они не берут новых членов, понимаешь?! То есть, естественно, они берут, иначе и быть не может, просто это не афишируют. О них вообще почти ничего не известно! Нужно обязательно все про них узнать. Надо у них все вывести.

– Растафарианство – это самая молодая религия, насколько я понимаю, – сказал мой друг, – наверное, про них действительно мало информации. Но, по-моему, растаманы могут при этом быть мусульманами или христианами, я видел православный крест на том старичке, который дал тебе свою шапочку, и в Клуб-Хаусе я слышал, что некоторые из них мусульмане. Например тот, который лез к тебе с разговорами. Кроме того они считают себя настоящими иудеями и, я так понимаю, уважают старый завет.

– Короче все намешано, какой-то идиотизм, – сказала я. – Мне кажется они специально пускают пыль, чтобы никто не докопался до их настоящих убеждений. Кого они считают Богом? И как они, интересно, относятся к Иисусу Христу? Что это за бред на счет того, что он был черным? И кто такой император Хайле Селассие?

Последний вопрос был самым интригующим. Я не помню, когда я впервые услышала это имя – Хайле Селассие I (между прочим, оно означает – сила святой троицы). Теперь мне кажется, что я знала этого человека всегда. Его портреты я видела в Клуб-Хаусе, его изображение вытатуировано на груди Рэбая, его настоящее имя дало название религии

черных – Рас Тафари Маконнен. Рас означает – принц (или князь). (И поэтому все растаманы называют друг друга рас). Тафари Маконнен стал последним Императором Эфиопии и последним самодержцем в истории человечества. Неужели они действительно считают его Богом, думала я. Разве это не смешно? Разве такое бывает? С другой стороны, все бывает. Как известно, когда люди не понимают тебя, то начинают считать Дьяволом или Богом. Люди готовы верить чему угодно. Но Джери, например? Или Рэбай. Могут ли они всерьез считать Богом – царя, политика? Это тоже самое, что создать церковь имени Петра Первого или Наполеона. Хотя, с другой стороны, если бы Советский Союз не был атеистической империей, то непременно возникла бы церковь Ленина и Сталина или что-то вроде. В Сталина действительно верили, как в Бога. Кроме того, Мухаммед был как раз-таки политиком, бизнесменом (Салман Рушди в своей знаменитой книге именно этим словом чаще всего его и называет), а претендовал на божественность. А в старом завете слова царей записаны как слова пророков.

И я пришла к выводу, что политика и религия – суть одно и то же.

Этим утром я твердо решила написать книгу про растафарианство. Она задумывалась как исследование, вышло же все совсем по-другому. Чтобы читателю было проще понимать меня в дальнейшем, в следующей главе я расскажу немного о себе и своей прошлой жизни, большей частью – о

своем детстве, ведь все-таки, хоть я и – повествователь, но в то же время – и героиня этой истории.

Глава третья: О дьяволопоклонничестве, вольном и невольном музыка: Joy Division, New dawn fades

*If you come home
I'll bake you a cake
Made of all their eyes.
I wish you could see me
Dressed for the kill...*

T. Yorke

Моя мама осталась одна с ребенком (со мной) в 91-ом году, и ее жизнь, так же как и жизнь целой страны, в одно мгновение разрушилась, иллюзия распалась и грубая действительность выступила на первый план. Мой папа, абсолютно беспринципный и крайне интеллигентный жулик, бросил ее как только получил первые большие деньги (в то время он был следователем по особо важным делам и брал с людей бабло за обещание прекратить или не начинать против них уголовное дело, и потом я даже узнала, что часто он просто брал их на понт, и дела против них у него изначально даже не было). Я родилась за пять лет до их развода, в те годы па-

па уже большую часть своего времени проводил в командировках (часто выдуманных), мама тоже все время была не со мной, и я обычно оставалась под присмотром бабушки.

Моя бабушка (по маме) была невероятно упрямым, сильным, и неутомимым человеком. Своего бывшего мужа, полковника КГБ, она била сковородкой и спускала с лестницы. В итоге он, конечно, быстро спился и умер. Она была родом из сибирской деревни и в семнадцать лет (она была старшей из тринадцати сестер) поехала в ближайший город искать работу, и как раз началась война. Я в детстве любила слушать ее истории о том, как она сломала руку (они варили порох в огромных чанах и тяжеленная крышка упала ей на руку) и, несмотря на открытый перелом, ей дали всего один выходной день; как им выдавали по маленькому кусочку хлеба раз в сутки, и как после войны она купила себе красные туфли на каблуках, а потом всю оставшуюся жизнь жалела, что не купила вместо них какую-нибудь обувь своей маме (моей прабабушке), которая даже зимой ходила босиком и умерла почти сразу после окончания войны.

Советский Союз победил в войне с очевидным злом, и моя бабушка на радостях вышла замуж за молодого, высокого и голубоглазого офицера (которого потом выгнала веником) и родила дочь, за которой всю оставшуюся жизнь ухаживала, как за принцессой, и на которую работала, как крепостные работают на аристократов.

Моя мама не умела ни готовить, ни стирать, ни убираться,

даже пуговицу себе пришить она не могла. Все это с остервенением делала моя бабушка. Когда мама вышла замуж, бабушка приходила к ним домой каждый день и выполняла всю работу. С самого раннего детства моя мама считала себя невероятно одухотворенным и творческим человеком, она занималась балетом, но ей сказали, что у нее неправильное строение ног и она не сможет танцевать профессионально, и она тут же бросила, ей нравилась музыка, но у нее не было ни слуха, ни голоса, и тогда, заканчивая школу, она объявила, что поняла: ее призвание – учить детей. Заметьте, она сказала – учить детей, а не учить детей чему-то, например, литературе или истории. Просто – учить детей. Она хотела ехать поступать куда-нибудь в Москву или Питер, но бабушка ей запретила (и, несмотря на то, что бабушка работала на маму, как раб на господина, приказывала-то как раз моя бабушка, а мама беспрекословно и всегда подчинялась). Тогда она поступила в местный педагогический институт.

В моей семье все женщины утверждают, что в молодости они были страшно красивы. И моя мама не исключение. Она любила вспоминать о своей утраченной красоте и рассматривать старые фотографии, где она смотрит в объектив устало и надменно, показывая фотографу-поклоннику, что ей он безразличен. У нее было много поклонников, они шлепались под окнами и бабушка гневно гоняла их и запрещала приставать к драгоценной дочери, которую тщательно охраняла. Но в ее институте был человек, который сумел втереться в

доверие к моей бабушке, и который нашел общий язык с маминной лучшей подругой (которая была страстно влюблена в него, как и все остальные студентки). Все, кроме моей мамы. Он писал о ней стихи и в них называл ее "царевной-недотрогой".

Однажды он нарисовал ее портрет масляными красками на холсте. Моя мама поставила картину в угол, она покрылась пылью, и бабушка решила ее помыть, отчего расплылось изображение.

Она не давала ему никакого шанса, она была равнодушна. Когда они заканчивали институт, он сделал последнюю попытку. Была теплая июньская ночь и он провожал ее домой, они шли через парк и луна светила над деревьями. Об этом мне рассказывала моя мама, и она сказала, что "Женя иногда позволял себе пошлости". Из чего можно сделать вывод, что той лунной ночью Женя получил жесткий отпор и потерял всякую надежду. У него были богатые и какие-то высокопоставленные родители, они отправили его в какую-то поездку после окончания института, и там он в отчаянии трахнул какую-то девушку, которая тут же забеременела, оказалась дочерью знакомых его родителей, его заставили жениться, она родила еще двоих детей, все были мальчиками, и они прожили вместе многие-многие годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.